

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2020 Том 7 № 1

DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-1

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ

В.Г. Иванов,

доктор политических наук,
доцент кафедры
сравнительной политологии
РУДН, член Международной
ассоциации политической
науки

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Е.В. Масленникова,

кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
государственного и
муниципального управления
РУДН

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СЕРИИ**

В.А. Осипов,

кандидат политических наук,
ассистент кафедры государственного
и муниципального управления
РУДН, член Российской
ассоциации политической науки

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт управления РАНХиГС, Саратов, Россия

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада

Войташик К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Вольманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), Москва, Россия

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, Любляна, Словения

Сорокин Д.Е. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, первый заместитель директора Института экономики РАН, Москва, Россия

Стрелковский В. — PhD, профессор. Управляющий директор Пражского института повышения квалификации, Прага, Чехия. Почетный профессор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, Энсхеде, Нидерланды

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин, Сент-Пол, США

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 выпуска в год

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов», серия «Государственное и муниципальное управление» – специализированное научное издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основными рубриками журнала являются: «Государственное управление: теория и практика», «Зарубежный опыт управления», «Становление и развитие местного самоуправления в России», «Культура управленческой деятельности», «Антология государственного управления» и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов и практиков, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru.

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 20.02.2020. Выход в свет 30.03.2020. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 7,475. Тираж 500 экз. Заказ № 21. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2020 Volume 7 Issue 1

DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-1

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

V.G. Ivanov,

Dr.Sci. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation), member of The International Political Science Association: Montreal, Quebec, CA – Chief Editor

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

E.V. Maslennikova,

PhD in Sociology, associate professor, Head of the Public Administration Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) – Deputy Editor

EXECUTIVE SECRETARY

V.A. Osipov,

PhD in Political Science, Assistant of the Department of Public Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation). Member of The Russian Political Science Association – Executive Secretary

EDITORIAL BOARD

Barabashev A.G. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics

Velieva D.S. — Doctor of Law, professor, Povolzhsky Institute of Management RANEPA, Saratov

Vertinsky I. — PhD, Professor, Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Wollmann H. — PhD, Professor of Public Administration and Public Policy of the Berlin Humboldt University, Germany

Wojtaszczyk K.A. — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Voronchuk I. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Latvia

Kotchegura A.P. — Dr.Sci. (Philosophy) (PhD), a member of the European Association of Professionals in Public Administration (EGPA)

Margolin A.M. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prokofiev S.E. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of State Public Administration Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Head of the Federal Treasury of the Russian Federation

Ropret M. — PhD, professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Slovenia.

Sorokin D.E. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Macroeconomics and Macroeconomic Regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Economics

Strielkowski W. — PhD, Professor. Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement. Professor, Assistant Director of Prague Business School Centre for Energy Studies. Prague. Czech. Emeritus professor of Ural State University of Economics.

Hoppe R. — PhD, Professor of Politics and Knowledge of the School of Management and Governance, Department of Science, Technology and Police Studies of University of Twente, Netherlands

Schedler K. — PhD, Professor, Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, Switzerland

Schultz D. — PhD, Professor of Political Science, University of Hamlin (USA), Editor in Chief of Public Affairs Education (JPAE)

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, World-Cat, Cyberleninka, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Aim and Scope

The scientific journal "RUDN Journal of Public Administration" is the special scientific publication, founded in late 2013.

The journal mission is the assistance of the public administration development on theoretical and practice field as well as to create a platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives in the public administration field.

The journal gives an ability to discuss main ideas and problems of public administration, analysis of current issues of public administration, the theoretical comprehension of the trends and prospects of local government development, synthesis of international practice and experience of public administration and management, highlighting modern trends of higher professional education development on the public administration field, etc.

The main journal headings are following: "Theory and Practice of Public Administration", "Foreign Experience of Management", "Formation and development of local government", "Culture of management", "Anthology of Public Administration" and etc.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is for scientists and researchers, officials in the sphere of public administration, and for a wide range of readers who are interested in problems and perspectives of public administration.

The journal editorial board includes leading scientists and experts of international and national level on the public administration field.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

E-mail: pubadmj@rudn.ru.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Каламанов В.А.** Современные источники и метаморфозы политической власти: критический анализ 7
- Бекшенёва А.А., Ягодка Н.Н.** Политическая и неполитическая формы участия граждан в общественной жизни России 25
- Белов С.И.** Восприятие мемориального конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей 36
- Романовский Е.А.** Чемпионат мира по футболу–2018 и визуализация власти 47

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Adagbabiri M.M., Okolie U.C.** Human Resource Management Practices and Organizational Performance: An Empirical Study of Oil and Gas Industry in Nigeria (**Адагбабири М.М., Околе У.Ч.** Практика управления человеческими ресурсами и эффективность деятельности организации: эмпирическое исследование нефтегазовой отрасли в Нигерии) 53
- Muluye K.T.** Holding Together, Coming Together or Putting Together? A [Re]examination on the Formation of Ethiopia's Federation (**Мулуйе К.Т.** Держаться вместе, идти вместе или собираться вместе? Пересмотр вопроса о формировании федерализма в Эфиопии) 70
- Hawamdeh M., Al-Qteishat A.** Women's Political Participation in Jordan (**Хавамдех М.Х., Аль Ктеишат А.С.** Участие женщин в политической жизни в Иордании) 83

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Kumie G.A.** Book review: Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. NY: Farrar, Straus and Giroux; 2014. 672 p. (**Кумие Г.А.** Рецензия на монографию: Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 672 p.) 89

CONTENTS

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Kalamanov V.A. Current Sources and Metamorphoses of Political Power: A Critical Analysis	7
Beksheneva A.A., Yagodka N.N. Political and Non-political Forms of Citizen Participation in Public Life in Russia	25
Belov S.I. Perception of the Memorial Conflict around the Film “The Death of Stalin” among Russian Internet Users	36
Romanovskiy E.A. 2018 FIFA World Cup and Visualization of Power	47

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Adagbabiri M.M., Okolie U.C. Human Resource Management Practices and Organizational Performance: An Empirical Study of Oil and Gas Industry in Nigeria	53
Muluye K.T. Holding Together, Coming Together or Putting Together? A [Re]examination on the Formation of Ethiopia’s Federation	70
Hawamdeh M., Al-Qteishat A. Women’s Political Participation in Jordan	83

ACADEMIC LIFE

Kumie G.A. Book review: Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 672 p.	89
--	----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-7-24

Research article

Современные источники и метаморфозы политической власти: критический анализ

В.А. Каламанов

Международный центр устойчивого энергетического развития
под эгидой ЮНЕСКО
ул. Кедрова, 8/1-2, Москва, Россия, 117292

Аннотация. В статье анализируются процессы трансформации и модификации политической власти, обусловленные процессами глобализации. На основе широкого спектра социально-политических теорий и концепций автор рассматривает проблемы государственного управления, дезинтеграции, политической стабильности государственной власти перед лицом современных вызовов и угроз. Отдельное внимание в статье уделяется критическому анализу современных теорий «конца власти», «ретротопии» и «текущего общества». Автор показывает как значительный эвристический потенциал данных концептуальных моделей, так и ограниченность их возможностей для интерпретации современной социально-политической реальности. В статье делается вывод о том, что трудности реализации государственного управления в современных условиях не умаляют безальтернативности и значения качественного государственного управления, требования к которому также возрастают.

Ключевые слова: власть, управление, суверенитет, глобализация, «цветные революции»

Введение

Как известно, политическая власть существует не в вакууме, вне зависимости от социальных отношений и взаимодействий. Власть не безлична, ее характер меняется в зависимости от того типа элиты и тех источников, на которых она основана. Классический подход рассматривает политическую

© Каламанов В.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

власть прежде всего как способность управления и контроля, присущую государству как «уникальному коллективу», «политическому союзу». Нужно отметить, что сущность власти неоднородна. Политика, по мысли М. Вебера, есть ни что иное, как стремление к власти [1. С. 370]. Верховность власти предполагает, что существует главный источник власти, которую институт государства разделяет на различные ветви, создавая систему «сдержек и противовесов», или соединяет их в одном авторитарном единстве.

Попытки определить источник власти прослеживаются в истории политической мысли, начиная с Античности. Протоверсия теории общественного договора зародилась в политической мысли Античной Греции. В диалоге Платона «Критон» многие видят греческую версию общественного договора и ее решающее значение в выборе Сократа.

Теория божественного происхождения власти берет свое начало в мифотворчестве, сопровождающем институт становления власти со времен Древнего мира. Всякая цивилизация в своем начале, будь то Китай, Индия, Древний Египет и другие, а также христианские монархии основывались на ощущении божественной иерархии, проекцией которой была иерархия земная. В обществах, где была установлена монархия, вплоть до эпохи великих революций, единственным легитимным источником власти признавалось сакральное начало Бога. Власть же государя являлась прямой проекцией божественной воли на Земле. Царские династии были не просто легитимной элитой, но «избранниками Божьими», «Божьей милостью» и «Божьей Волей» [2. С. 21]. Ритуал помазания на царство представлялся актом божественного избрания. В теории божественного происхождения власти считалось, что все люди рождаются подданными, и, начиная с власти родительской, человек обучается повиновению. Царь выступает хранителем государства, и правота народа заключается в почитании и вере в тайну божественного происхождения власти правителя.

Нужно отметить, что вопрос политической власти является одной из центральных проблем христианской теологии. Христианство имеет парадоксальные отношения с Богом. Воплотившийся Бог «с человеческим лицом» является Царем небесным и Земным, в то же время, как совершенное существо, он автономизируется и выпадает из реальной жизни общества, предоставляя человечеству свободу выбора в отношении власти Бога и своей судьбы. Бог стал настолько трансцендентным и почитаемым абсолютным началом, что процесс секуляризации стал неизбежным. Христианство создало власть в институте католической церкви, в Византии же власть государственная и власть религиозная слилась в симфонию при императоре Константине на первом Вселенском Соборе в 325 году.

Наиболее серьезное развитие в эпоху Раннего Средневековья теория божественного происхождения власти получила в трудах Августина Блаженного, особенно в работе «О граде небесном», и Фомы Аквинского, который логически развивал аргументы, приведенные Августином. В трудах Фомы Аквинского власть государственная должна быть подчинена власти духовной.

Марсилий Падуанский, написавший труд «Защитник мира», выдвинул мысль о разделении законов и, соответственно, власти на духовную и «человеческую». Впервые была выдвинута идея блага народа как источника власти. Из посылок, аналогичных мыслям Фомы Аквинского, были выдвинуты совершенно противоположные положения: о неправомерности церковного суда и его вмешательства в дела политического характера, о необходимости отмены инквизиции, о веротерпимости.

Вообще нужно отметить, что христианская теология амбивалентна: защищая власть, она сама представляет собой теорию низвержения любой власти. Так, К. Маркс, несмотря на свое сложное отношение к евангельскому учению, признавал революционный потенциал христианской теории. Эта парадоксальная амбивалентность может объясняться, с одной стороны, пониманием опасности безоглядного злоупотребления властью, с другой – верой в волю Бога как единственную по-настоящему легитимную власть.

Следующий шаг был сделан Гуго Гроцием, который писал о естественных правах каждого человека и приоритете народного права над концептом «божественного права». Первичный источник власти в обществах, пришедших вместе с Реформацией, – это народ или нация, если речь идет о национальном государстве. Расцвет теории общественного договора приходится на эпоху Нового Времени. Ее наиболее видные представители – Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо видели источник власти в общественном договоре, прекратившем «войну всех против всех» (Т. Гоббс). Общественный договор выглядит актом коллективной воли, способствовавшей переходу от догосударственного существования к становлению суверенного государства-нации. Государство как политический институт учреждено для обеспечения всеобщего мира и безопасности народа-суверена. Так источник власти и ее гарант – суверенитет государства-нации был десакрализован. На смену сакральному началу власти приходит концепт народа как единственного суверена политической власти государства.

Как известно, 3 Статья Конституции Российской Федерации гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Далее пункты 2, 3, 4 данной Статьи гласят, что народ осуществляет свою власть прямым способом посредством референдума или через органы государственной власти.

Демократические процедуры являются формальным инструментом осуществления политической воли общества и способом делегирования власти. Источник власти, передающий ее властной группе, фактически обладает номинальными ресурсами власти. Делегируя власть, народ утрачивает ее. На переломных этапах своего развития народ может решить фундаментальный вопрос в духе «быть или не быть». Однако кроме основного источника власти, служащего и ее сакральным основанием – воли народа, существуют и иные источники власти. Традиционно к источникам власти, которые являются и ресурсами для ее поддержания, относятся монополия на насилие (силовой ресурс), богатство (экономический ресурс), культурно-информационный ресурс, традиции, политическая и административная организация [3].

Классик общественно-политической мысли М. Вебер определяет три источника власти: традиции, харизма и сила принуждения, основанная на позитивном праве. Государство как «политический союз» может обладать всеми тремя источниками власти, но монополия на легитимное насилие является основной отличительной чертой государства.

Эти и другие теории политической власти опирались в своих положениях на понятие суверенного государства-нации, где главным источником власти является либо народ-суверен, либо сакральное божественное начало, признаваемое народом.

Метаморфозы власти: текущая современность и утрата суверенитета

В конце XX века, после фактического крушения Вестфальской системы международных отношений, появляется тенденция к ущемлению, деградации суверенитета как основополагающего принципа существования государства. Деятельность транснациональных корпораций, создание международных организаций и наднациональных политических союзов привело к «расползанию» государственной власти. Известный социолог Зигмунд Бауман предлагает понятие «текущая современность» [4. С. 37], главной отличительной чертой которой является ненаправленность общественных перемен. Текущая ситуация, возникшая между разрушением старого порядка и становлением нового, получила название «*interregnum*» (дословно «междущарствие»)¹. Однако «*интеррегнум*» и отсутствие конвенциональных правил игры означает хаос. Тесная связь между нацией, территорией и государством все больше размывается, а «мощь» как структурная составляющая политической власти переходит в глобальное «пространство переплывов» (термин М. Кастельса). Ослабленные глобализацией государства пытаются взвалить на себя глобальные функции, но адекватных инструментов международного уровня для решения таких задач еще просто не существует. Уже состоявшаяся «отрицательная» глобализация породила новые методы управления государством на уровне внешнего кураторства – так называемые «бархатные» или «цветные» революции.

«Цветные революции» как политическая технология дестабилизации власти

Революции в XXI веке стали технологией свержения власти в сравнительно технически развитых обществах, имеющих при этом серьезные соци-

¹ Понятием «*interregnum*» («междущарствие», «межвластие») в Древнем Риме назывался период между смертью одного цезаря и приходом к власти другого. Обычно этот период характеризовался нестабильностью, неопределенностью, массовым страхом. Именно так объясняет нынешнее состояние мира З. Бауман, когда пишет о том, что «старое уже не работает, а новое еще не родилось» [4].

альные проблемы и дисбалансы. Масштабные процессы дестабилизации, обозначаемые термином «современные революции», сегодня становятся распространенным способом внешнего управления обществом, одним из методов социальной инженерии. Они лишены непредсказуемости революций XX века. Конечно, им присущи многие признаки, характерные для революционной динамики прошлого, однако современные революции не предлагают реальной социально-политической альтернативы сложившемуся статус-кво, но, как правило приводят страны в состояние хаоса, нестабильности и отсутствия нормально функционирующей государственной власти. Не имея собственной идеологии, «цветные революции» и массовые протестные движения опираются на расхожие политические клише. «Аппарат согласия», сформированный в виртуальном пространстве, усиливается за счет анонимности виртуальной публичной сферы. Содержание современных революций выхолощено, однообразно и подчиняется их форме, то есть символические и коммуникативные аспекты участия превалируют над политическими. Однако за внешней яркой формой стоят технологии искусственной дестабилизации, смены власти и разрушения функционирующих государственных институтов.

Нестабильность внутривластной ситуации увеличивается за счет того, что решительные действия власти затруднены, и подчас легитимный политический режим оказывается фактически парализован из-за гуманистических и правовых установок, не позволяющих применять силу и репрессии по отношению к гражданским лицам, участвующим во все более радикализирующихся массовых протестах. Жертвы, даже немногочисленные и случайные, становятся «революционными мучениками», что усиливает недовольство властью, пытающейся отстоять свой статус.

«Бархатные революции», подкрепленные теоретическими обоснованиями идеологии «ненасильственного сопротивления» Дж. Шарпа [5] и других деятелей, стали широко применяться как метод протестной инженерии. Важной причиной уязвимости многих государств перед такой формой воздействия оказывается их устаревший инструментарий для решения подобных проблем или вообще его отсутствие. Давление на власть и представляющий ее государственный аппарат, постоянное конструирование триггерных точек конфликтной мобилизации общества становится важной и привычной деятельностью СМИ, как международного, так и национального уровней. Как показывают многочисленные примеры, внешнее давление на внутривластный процесс и общественное сознание вносит важный вклад в дестабилизацию ситуации в стране.

Таким образом, очевидно, что вовлеченность внешних сил в современные революционные процессы в разных странах и регионах мира значительно возросла. Идеология «массового неповиновения» Дж. Шарпа стала философией протестной инженерии на основе применения «мягких» коммуникативных методов, представляющих собой вызов национальным государствам, на который все еще не выработано эффективного и решительного ответа. Во многих странах власть оказывается неспособна оперативно принимать решения, используя свою политико-правовую монополию на насилие. Стратегия

«управляемого хаоса», последовательно применяемая в ходе «цветных революций» и «арабской весны», стала практическим развитием запущенных ими процессов. Ослабленный суверенитет множества государств позволяет применять методы современной протестной инженерии для создания затяжной ситуации «управляемого хаоса».

Доктрина «управляемого хаоса» является разработкой американского дипломата С. Манна. В основе этой идеологии лежит беспринципная эксплуатация назревшей «критической ситуации» в странах-объектах в интересах внешних заинтересованных акторов. Среди эффективных инструментов создания «критической ситуации» выделяются навязывание раскалывающих общество рыночных реформ по принципу шоковых терапий и создание сетей агентов влияния. Примечательно, что одним из значимых инструментов здесь является размывание традиционных ценностей общества и национальной культуры. После прохождения определенной точки «невозврата», обычно сопряженной с человеческими жертвами, социальная система погружается в состояние массовой истерии и утрачивает способность регулировать текущую ситуацию ввиду тотального разложения социальных институтов и защитных механизмов.

Виртуальное пространство также становится значимым полем реализации политической деятельности различных политических сил. Искусственное нагнетание нестабильности, как правило, происходит сперва в виртуальной сфере, после этого образовавшийся накал эмоций выплескивается в пространство общественных отношений. Стандартным инструментом инженерии революций является «приватизация» общественного протеста. В контексте типовой модели современной революции исчезает необходимость в наличии признанного лидера и единой идеологии. Игровая составляющая горизонтальных протестов, революционный спектакль (на определенных этапах способный принимать карнавальные формы) достаточно условны, но, как правило, приурочены к социально значимым событиям, затрагивающим все общество. Одним из основных способов подрыва стабильности политической системы являются кампании по непризнанию легитимной власти в ходе выборов. Уже традиционным способом оправдания насильственной и неконституционной смены власти стала постулируемая борьба за «честные выборы», направленная на демонизацию правящего режима. Политический спектакль протеста происходит по заранее отработанному алгоритму, получая драматическое освещение в мировых СМИ. Таким образом, глобальный внешнеполитический контекст имеет важное значение для анализа современных революций, что позволяет определять их как деструктивные методы достижения конкретных целей в большой геополитической игре.

Обращает на себя внимание и тот факт, что движения и организации, стоявшие за революциями, например, «арабской весны», оказались тесно связаны с террористическими движениями, а методы их действий также нередко сближались. Возможно, это позволяет объяснить фактическую и исключительно щедрую поддержку многими государствами определенных сил и милитаризированных движений, считающихся в их официальной риторике

«экстремистскими» или «террористическими». В первую очередь это относится к таким державам, как США, Катар, Саудовская Аравия, и их попыткам оказывать силовое давление на политическую волю других государств посредством поддержки радикальных исламистских и националистических сил. Подобные методы «силового умиротворения» и «принуждения к демократии» привели к возникновению новых видов угроз, в том числе для самих США и эскалации многих региональных конфликтов.

Фундаментальный концепт международной системы в краткосрочную эпоху «однополярного мира» – «демократический мир», со всей очевидностью нивелируется. Демонтаж Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства приводит к фактическому разложению исторически сложившихся институтов международного политического взаимодействия. Для трансляции воли немногих «истинно демократических государств» целые регионы остального мира должен находиться в состоянии «управляемого хаоса». На смену Ялтинско-Потсдамской системы международного равновесия пришла неустойчивая система «многополярного мира», при сохранении стремления отдельных государств к гегемонии и доминированию. В условиях глобализации это становится возможным благодаря использованию доктрины «управляемого хаоса» и искусственному применению соответствующих технологий.

«Мягкая сила», примененная для дестабилизации политического режима или государственного переворота в других странах, становится маркером великих держав, которые стремятся к превращению в глобальные державы со значительным потенциалом транснационального влияния. Политическая нестабильность становится необходимым условием для реализации стратегии «управляемого хаоса» и давления на существующий легитимный политический режим.

Новые основания, парадигмы и проблемы осуществления власти

Сегодня центральной становится проблема новых оснований для политического управления на разных уровнях: государственном, региональном и глобальном. Этим основанием снова становится сила, однако каковы ее современные источники, кто и каким образом может ее использовать?

Ответ на эти вопросы пытается дать нашумевшая работа Мозеса Наима «Конец власти». Столь радикально характеризуя современные «сдвиги» власти, Наим, сам в прошлом являвшийся политиком, приходит к выводу о ее распаде («disruption») и мутации. И дело не только в том, что происходит распыление властного ресурса между национальными, наднациональными и транснациональными акторами. Изменения гораздо субстанциальнее – неважно, какая партия побеждает на выборах, и какой политик приходит к власти, он все менее способен навязывать свою волю, управлять и контролировать общество. При этом, по мнению М. Наима, в современных условиях «легковесы» даже получают преимущество перед «тяжеловесами», так

как они менее связаны, имеют меньше обязательств и действуют намного оперативнее. Таким образом, от закосневших корпораций реальная власть уходит к энергичным новичкам и новаторам, от политических режимов – к управляемым толпам на площадях и в киберпространстве: «Повстанцы, маргинальные политические партии, инновационные стартапы, хакеры, сетевые активисты, гражданские СМИ, молодые люди на городских площадях сотрясают основы старого порядка» [6]. Все это – симптомы фундаментальной мутации власти, которую в XXI веке «проще получить, но труднее использовать и легче потерять». Прогноз автора тревожен – грядущий хаос и конец стабильности. Однако возникают большие сомнения в состоятельности подхода М. Наима и тех масштабных обобщений, которые он так решительно делает. Автор собрал огромное количество разнообразных событий и фактов, призванных проиллюстрировать выдвигаемые тезисы. Однако в действительности заметно, что эта подборка оказывается весьма однобокой, свидетельствуя скорее о временной разбалансировке соотношения сил, которое уже выравнивается. Таким образом, многое из того, что Наим приводит в качестве основных трендов будущего, уже утратило свою актуальность за несколько последних лет. Например, М. Наим утверждает, что на Ближнем Востоке «повстанческие» подразделения и толпы протестующих оказываются намного сильнее авторитарных правительств. В действительности это была лишь иллюзия первых военных успехов экстремистских группировок (в деле разрушения собственных стран). И уже очевидно, что даже эти сомнительные успехи, которым приходит конец, были бы недостижимы без подпитки «легковесов» со стороны других государств. Сложно согласиться и с тезисом о том, что многочисленные «гаражные» стартапы перехватили инициативу у крупных корпораций и вытесняют их с рынков. Причины упадка ряда прежних лидеров бизнеса следует искать скорее в их собственных ошибках, нежели в неспособности выдерживать конкуренцию с малым бизнесом. Конечно, власть может развиваться, переходить в разные формы, распределяться более равномерно (или, наоборот, неравномерно). Но при этом власть никуда не уходит.

Важную роль в современных властных конфигурациях играют неправительственные организации, точнее те из них, которые ориентированы на политическую деятельность. Уже в начале XX века теоретики анархического толка (например, П.А. Кропоткин) отмечали важность создания общественных организаций как будущего средства разрушения правительственных структур и свержения режимов.

Действительно, нередко деятельность некоторых НПО, тем более действующих на международном уровне, вызывает беспокойство государственных органов: они могут выступать как инструменты влияния, «иностранные агенты», заниматься разведывательной или подрывной деятельностью. Многочисленные НПО, создающиеся под благовидным предлогом «продвижения и защиты демократических принципов и гражданских свобод», являются на самом деле серыми социальными лабораториями по сбору политически значимой информации, на основе которой создаются каналы постоянных

финансовых траншей для поддержки оппозиции. Агенты МНПО, транслируя волю настоящих руководителей и спонсоров, занимаются в других странах рекрутингом удобных кандидатов на позиции «лидеров несистемной оппозиции», их финансовой и информационной «накачкой» и созданием вокруг этих личностей консолидированного круга сторонников.

Так, например, в официальном документе «Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европейском Союзе», который был утвержден на 837-м заседании Совета Европы, содержится целый набор рекомендаций для НПО по неповиновению законной государственной власти, ее размыванию и подрыву путем создания параллельно функционирующих институтов².

В основе деятельности многочисленных МНПО лежит доктрина глобального «экспорта демократии». Либеральная идеология стала средством навязывания своих интересов и разрушения негодных политических режимов, а нередко и целых стран вместе с ними. Негосударственные политические акторы (НКО, ТНК, международные организации) создают транснациональную систему с собственными технологиями властвования, параллельную системе национальных государств. Огромный комплекс производств, управленческий аппарат, находящийся вне государственных границ, но использующий территорию государств и нормативное поле, приводит к изменению института политического влияния. Четкой границы между крупным капиталом частных фирм и государственными органами больше не существует, каждая из них становится продолжением другой.

Параллельно происходит процесс размывания границ или рамок власти государств: территориальных, юридических, геополитических. Причем это процесс характеризуется ярко выраженной амбивалентностью: принципы, идеологии, стандарты, правовые нормы западных стран перешагивают их национальные границы и широко распространяются в мире, в то время как другие государства, наоборот, вынуждены приспособляться и отказываться от части своего суверенитета.

Создается международная судебная система, параллельная национальным правовым системам. После распада СССР Соединенные Штаты старались максимально размыть границы, чтобы распространить свою власть на другие страны – в итоге происходит навязывание законодательства США в качестве примата (что вызывает аналогии с политикой Римской империи). Данный процесс сопровождается опасным педализированием политики экстра-территориальности решений американских судов, далеко не являющихся образчиками объективности и независимости.

Для того, чтобы оценить актуальные тенденции и возможные метаморфозы политической власти в современном мире, необходимо подчеркнуть не-

² Основополагающие принципы статуса неправительственных организации в Европе. Решение Комитета Министров Совета Европы, 837-е заседание от 16.04.2003. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-npo.nsf/5b338ac59d39b715c32571070037609f/6f61ae15f2d1473dc3257107003d30c0!OpenDocument>. Дата обращения: 10.10.2018.

предложный принцип, заключающийся в том, что *источником власти является народ. Власть – производная от народа*. Общество обладает значительным арсеналом инструментов и институционализированных механизмов влияния на власть. И, конечно, сама логика общественного развития предполагает дальнейшую эволюцию и диверсификацию каналов коммуникации общества и власти и механизмов их взаимовлияния. Однако власть отнюдь не сводится к выполнению «заказов» общества и ее деятельность не ограничивается повесткой наиболее влиятельных групп интересов. Власть должна не растворяться в обществе, а стоять над ним, но при этом не отдаляясь от общества. Власть должна служить обществу, но при этом управлять им, не только претворять в жизнь его цели и ценности, но и самостоятельно формировать их. Поэтому, отношения власти и общества должны определяться в первую очередь внутренней логикой национальной социально-политической эволюции, а не внешними процессами, трендами и инициативами.

Ключевым инструментом влияния общества на власть являются выборы. Основной политической ресурс организованных общественных интересов – это голоса на выборах, которые они могут получить и тем самым установить канал связи с политической системой, приобрести политическое представительство. Партии и организованные группы интересов могут заявлять власти о своей воле посредством легитимных политических и правовых процедур.

Правовое поле является одним из каналов политического влияния на государственные органы организованными группами интересов. Причем обращает на себя внимание тот факт, что активно действовать в правовом поле могут и люди без юридического образования и какого-либо институционального статуса – например, правозащитники. В то же время нормотворчество является одним из инструментов реализации политического процесса по причинам не всегда ясного характера юридических норм, неполноты и пробелов регулирования, искусственного затягивания принятия необходимых законопроектов.

Важную роль арбитра между властью и обществом выполняет Конституционный суд – орган конституционного контроля, в компетенцию которого входит оценка соответствия правовых норм Конституции. Конституционный суд (в отличие от всех прочих судов) вправе отменить закон или иной нормативный правовой акт в случае признания его неконституционным. В разных странах мира существуют различные модели конституционного контроля. В ряде государств нет конституционных судов, но конституционный контроль осуществляется либо всеми судами общей юрисдикции, либо Верховным судом. Изучение опыта разных стран мира (в том числе и России) свидетельствует о том, что место и роль Конституционного Суда в системе государственной власти гармонирует с системой конституционно закрепленных сдержек и противовесов и обеспечением гарантий их применения. Конституционный Суд – это очень важный инструмент демократии, значение которого, к сожалению, у нас в стране сегодня недооценивается. Ведь он обязан рассмотреть дело, даже если обращение поступило от одного челове-

ка. В связи с этим вызывает крайнее удивление сравнительная незагруженность Конституционного Суда делами. Он должен издавать неизмеримо больше вердиктов по сравнению с тем, что мы наблюдаем сегодня.

Политическое влияние распространяется также посредством определенных инструментов, не обладающих четким правовым статусом. Основной из них – институт лоббирования. Так или иначе, лоббистская деятельность существует во всех странах, но во многих из них она регламентирована законом. Как известно, страна, где наиболее развит лоббизм – это США, там приняты несколько федеральных законов, официально регулирующих лоббистскую деятельность. Первый – это первая поправка к Конституции, которая являлась гарантией права граждан отстаивать свои интересы перед лицом власти и подавать петиции с жалобами. Основным законом, который не менялся вплоть до 1996 года, обязывал лица, занимающиеся лоббированием, регистрироваться в нижней палате Парламента. В 1938 году был принят известный закон «FARA», ужесточивший регистрацию «иностранных агентов», в том числе и для предотвращения советской пропаганды.

Лоббирование является неоднородным инструментом политического влияния и возможностью доступа к «каналам власти» для социальных групп, не имеющих прямого доступа к регулированию политического процесса. И если элита осуществляет «экспертную» политическую деятельность, то группы интересов посредством прямого или косвенного лоббирования осуществляют «интерактивное» взаимодействие с властью и воздействие на нее. «Интерактивная» деятельность организованных групп интересов поддерживается благодаря информационному ресурсу.

Народ может влиять на власть и посредством протеста против политического курса или конкретных политических решений. Этот протест может выражаться в разных формах: молчаливом неподчинении, создании теневых структур, параллельных официальным, открытом политическом протесте, который может привести к делегитимации правящего режима как крайнему средству давления на власть. Однако несмотря на то, что власть не может лишить народ права на протест, в современных реалиях для самого общества оказывается намного лучше, если этот протест протекает в правовых и мирных формах.

В современном мире интенсивные трансформационные процессы приводят к появлению все большего количества слабоуправляемых или неуправляемых ситуаций для национальных государств, правительства которых сталкиваются с проблемами управления. Многие функции государства (фискальные, управленческие и др.) стало значительно сложнее реализовать в текущих условиях. Ресурсы власти, как политические, так и экономические и информационные, распределяются между более широким спектром сил и игроков, в том числе внешних, транснациональных и наднациональных. В условиях размывания власти политический центр может пытаться усиливать свои властные возможности за счет авторитарных решений, необязательно встречающих поддержку общества. Однако изменение власти отражает тенденции изменения самих обществ. В последнее десятилетие много пишется и

говорится о том, что меняется власть, даже сама ее природа. Но нам представляется, что в действительности запаздывает общественно-политическая мысль, обращая внимание в первую очередь на верхушку айсберга – то есть на политическую власть. В первую очередь, меняется именно общество, а власть сегодня во многих случаях не имеет достаточных инструментов для того, чтобы определять или возглавлять процесс общественного развития, а вынуждена следовать за ним и приспосабливаться к нему.

В современной общественно-политической мысли существуют разные подходы, описывающие социальные трансформации в глобальном масштабе. Одной из наиболее интересных представляется концепция «текучего общества» (или «liquid society»), предложенная известным социологом З. Бауманом. «Текучим» и неопределенным современное общество (в первую очередь, разумеется, автор указывает на западные страны) делает отсутствие твердого стержня: это общество без цели, без устойчивых ценностных ориентиров, без крепких социальных связей, где идентичность является функцией рыночных отношений.

Бауман стремится заглянуть очень глубоко и приходит к выводу, что в мире произошла социальная революция, в результате которой сегодня «кочевники» доминируют над «оседлыми» людьми и народами³, то есть человеческая история как бы поворачивается вспять. Точнее, в современных реалиях получают значительные преимущества люди, социальные группы, компании, непривязанные к одному месту, стране, экономике, культуре и этим, действительно, напоминая кочевников. Мобильность, скорость, непривязанность, пластичность, отсутствие твердых убеждений и верований, умение подстраиваться под постоянно меняющуюся ситуацию – вот, по мнению З. Баумана, обязательные слагаемые успеха в современном западном обществе, его антропологическая модель и эталон. «Текущее» общество характеризуется следующими особенностями.

Индивидуализация и атомизация общества дошла до предела⁴. Индивид заменяет гражданина.

В нем происходит непрерывный поиск новизны, культивируется постоянная изменчивость, фетишизация всего нового.

Власть отдаляется от общества. Истеблишмент все более транснационализируется, утрачивая географическую, экономическую и мировоззренческую привязку к своему народу [8].

Таким образом, у политиков исчезает возможность свободного и последовательного целеполагания, к тому же такое целеполагание (то есть

³ Следует заметить, что здесь З. Бауман далеко не оригинален. Похожие выводы, только почти на три десятилетия раньше сделал Ж. Аттали, предложив понятие «неономады» [7].

⁴ «Этот важный отход выразился в смещении этического/политического дискурса с фрейма “справедливого общества” на фрейм “прав человека” <...> “Нет такой вещи, как общество”, – объявила Маргарет Тэтчер. Не смотрите назад или вверх; смотрите внутрь себя, где предположительно находится ваша собственная хитрость, воля и власть, – все те инструменты, которых может потребовать усовершенствование жизни» [4. С. 37].

собственно, выполнение властью своих функций) неизбежно воспринимается наиболее мобильной и «современной» частью общества как попытка сформулировать и навязать сверху тоталитарную повестку.

В итоге получается постоянно находящееся в подвешенном состоянии общество дезориентированных индивидов, утрачивающее способность справляться с новыми вызовами и обеспечивать устойчивое социальное воспроизводство. В отличие от обществ с твердым и устойчивым культурным ядром «текущее» общество, по мнению З. Баумана, порождает «текущий страх» («liquid fear»). Источник и направленность этого страха не вполне ясны для самого общества, что провоцирует поиск конкретного врага и резкий рост правого популизма по всему миру. Смутный, «текущий» страх, генерируемый самим обществом, очень удобно использовать власти для манипуляции и управления таким обществом или его составными частями. Вспомним, например, «кампании страха», направленные на то, чтобы отвлекать общество от важных внутриполитических вопросов [9] или технологии конфликтной мобилизации меньшинств и протестных групп.

Если раньше опора на страх рассматривалась преимущественно как атрибут диктаторских режимов, то в XXI веке массовые страхи «общества риска» и текущую хаотизацию мировой политики и экономики наиболее последовательно пытаются эксплуатировать правительства западных стран, опираясь на стратегию «управляемого хаоса». Политическая практика подтверждает действенность соблазна управления через «контролируемый хаос» и порождаемый им страх [10; 11]. Игра с хаосом осуществляется в разных масштабах и на основе широкого спектра различных технологий. Очевидно, что организация массовых протестов с целью повлиять на решения власти, громкие политические убийства «сакральных жертв» или информационная травля Президента Д. Трампа – это примеры «умеренной» внутриполитической игры с хаосом. Еще более рискованными являются «игры» с терроризмом, радикальным национализмом, военные угрозы и провокации, искусственные кризисы, гуманитарные катастрофы и пр. Принцип один – раскачать и обострить ситуацию, а затем попытаться использовать образовавшийся хаос в своих целях.

Конечно, практика «управляемой» дестабилизации в собственных интересах далеко не нова. Причем это касается как внутри-, так и внешнеполитических процессов. Однако авторство геополитической теории «управляемого хаоса», широко используемой для дестабилизации политических режимов по всему миру, все-таки принадлежит американским политикам и политтехнологам, имеющим прямое отношение к организации «цветных революций», являющихся наиболее деструктивным проявлением данной стратегии. Политика, направленная на подрыв конституционного строя и свержение избранной власти в другой стране, сегодня уже не приравнивается к агрессии, постепенно становится чем-то нормальным, привычным, естественным, тем более что обычно она маскируется апелляцией к «ценностям более высокого порядка, чем национальный суверенитет», например, к пресловутым «правам человека». Однако за такими широкими и нормативно

перегруженными внешними заявлениями, как правило, стоят узкие и конкретные национальные и даже корпоративные интересы. По признанию С. Манна, «наш [американский] национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор» [12].

Очевидно, чтобы стратегия работала, хаос нужно применять дозированно, в зависимости от страны и региона. Хаос также порождает общественный страх, который можно умело направлять и капитализировать⁵. Однако собственно «управляемость» хаоса как инструмента принуждения и управления сильно преувеличена. *Власть, заигрывающая с хаосом и внутри страны и вовне, очень рискует*. Негативные последствия таких политик могут проявляться сразу или позже, косвенным или неочевидным образом, но они неизбежны.

В связи с этим обращает на себя внимание ключевой глобальный тренд: *в современный период Запад пошел на дестабилизацию мировой системы с целью сохранения своих пошатнувшихся позиций в мире*. К этому политическое руководство западных стран подталкивают следующие объективные процессы.

– Замедление экономического роста и затянувшийся кризис. При этом все больше говорится о системном кризисе неолиберальной экономической политики, предложенной в 1990-е годы всему миру в качестве безальтернативной.

– Западные «глобальные» ценности все больше входят в противоречие с интересами других стран. Поэтому ООН остается основной площадкой для коммуникации между странами, и никакой замены ей не существует. Кризис ООН обусловлен попытками США и их союзников взять организацию под свой полный контроль, что значительно снижает ее эффективность.

– Многочисленные опросы общественного мнения в разных странах показывают снижение престижа США, неуклонно идет процесс снижения гегемонии Запада над миром.

– Центр экономического развития перемещается в Азию.

– Центральным международным конфликтом сегодняшнего дня стал конфликт России и коллективного Запада, управляемого гегемоном в лице США – от его решения зависит дальнейшая конфигурация мировой системы.

В итоге опора на управляемый хаос как на допустимый инструмент внешней политики создает ситуации, охарактеризованные как переворачи-

⁵ Польский политолог Э. Бендык приводит такой пример: «После 11 сентября 2001 года Джордж Буш располагал даже чрезмерным запасом страха, охватившим американцев. Чтобы продемонстрировать, насколько он достоин возлагаемых на него надежд, американский Президент решил расправиться с источником страха – терроризмом. Эта задача была невыполнимой, поэтому страх не уменьшился, что позволило предпринять следующие действия, которые имели мало общего с его изначальным источником (например, начать войну в Ираке)» [13].

вание геополитической «шахматной доски» [14]. Один из игроков, проигрывая или вырываясь вперед, сбрасывает все фигуры на этой доске, не дождавшись конца распланированной и просчитанной заранее партии и отрицая тем самым общие правила игры.

Развязывая себе руки и попирая принципы международных отношений, Запад пытается получить геополитические и геоэкономические преимущества. Однако историей доказано – с хаосом играть опасно. Конечно, международные отношения изначально носят анархический характер, в них отсутствует верховная власть и монополия на насилие. Но за этой анархией кроется баланс сил и интересов, растоптать который не под силу одному игроку, стремящемуся к гегемонии. «Экспортируя» хаос, непрерывно повышая ставки в агрессивной геополитической игре и вместе с тем возвращая систему международных отношений в состояние высоких рисков, невозможно избежать ответственности за свои действия. Так, например, в последние годы Евросоюз стал испытывать негативные последствия своей внешней политики на себе.

В своей последней большой работе «Ретротопия»⁶ [15] З. Бауман предполагает, что разрыв между властью и политикой, являющийся характерной чертой «текущего общества», и десоверенизация государств приводят к неспособности правительств выполнить свои обещания, порождая массовое разочарование электоратов в перспективах будущего улучшения условий жизни. В свою очередь, «ретротопия» апеллирует к прошлому как ориентиру для решения насущных проблем, с которыми не могут справиться современные государства. Таким образом, «потеряв всякую веру в идею построения альтернативного общества будущего, многие обращаются вместо этого к великим идеям прошлого, похороненным, но еще не умершим» [15], а «текущая современность» возвращается к «основам»: гоббсовской войне всех против всех.

Заключение

Таким образом, любая власть должна бороться с хаосом внутри страны и вовне ее. Мерилом порядка является соблюдение законов, принятых органами государственной власти и местного самоуправления, опора и общества, и государства на эти законы. Хаос провоцируется агрессивными попытками «во имя народа» показать, что власть является слабой и неспособной. Однако исторический опыт показывает, что власть может быть по-настоящему слабой и нелегитимной только тогда, когда перестает обслуживать общество, отворачивается от большинства. Однако кучка людей, провоцирующих хаос в стране, неспособна решать за большинство и определять то, что нужно всему обществу. Это тем более справедливо, когда нерезиденты (например, иностранные политики, СМИ и неправительственные организации) претендуют на то, чтобы представлять и защищать интересы общества. Несомненно, для приведения в порядок ситуации в стране допу-

⁶ «Ретротопия» по З. Бауману – возрождение националистических утопий, ориентированных на прошлое.

стим определенный (ограниченный законом) уровень насилия со стороны государства. Отмеченные социально-политические нормы являются предельным порогом равновесия и упорядочения, предохраняющим общество от необратимых негативных изменений и хаоса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
- [2] *Волков Н.А.* Учение священного писания о божественном происхождении царской власти / Соч. законоучителя Губ. Воронежск. гимназии свящ. Николая Волкова. Воронеж: тип. Гольдштейна, 1868. 65 с.
- [3] *Каламанов В.А.* О власти: к политической философии государства и общества. М.: Ленанд, 2018. 368 с.
- [4] *Бауман З.* Текущая современность. СПб: Питер, 2008. 240 с.
- [5] *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / 2-е изд., испр. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.
- [6] *Naim M.* The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being in Charge Isn't What It Used to Be. Basic Books, 2013. 320 p.
- [7] *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993. 133 с.
- [8] *Иванов В.Г.* Кризис концепции «технократии» в контексте изучения постиндустриального общества // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1 (28). С. 428–433.
- [9] *Громов А.* Страх как отвлекающий маневр: тактика политиков США // Федеральное агентство новостей. 13.01.2016. URL: <https://riafan.ru/495439--strah-kak-otvlekaushij-manevr-taktika-politikov-ssha>. Дата обращения: 10.10.2018.
- [10] *Иванова М.Г., Иванов В.Г.* Особенности методологии политической психологии в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 2. С. 65–81.
- [11] *Иванова М.Г.* Психология власти в политологическом анализе // PolitBook. 2018. № 3. С. 157–171.
- [12] *Манн С.* Реакция на хаос // Intelros. 26.02.2007. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html. Дата обращения: 10.10.2018.
- [13] *Бендык Э.* Политика страха // ИноСМИ. Политика. 07.02.2014. URL: <http://inosmi.ru/world/20140215/217551694.html>. Дата обращения: 10.10.2018.
- [14] *Каламанов В.А.* Время преодоления: практическая философия российской идеи. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
- [15] *Бауман З.* Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Research article

Current Sources and Metamorphoses of Political Power: A Critical Analysis

V.A. Kalamonov

International Sustainable Energy Development Centre
under the auspices of UNESCO
Kedrov str., 8/1, Moscow, Russian Federation, 117292

Abstract. The article analyzes the processes of transformation and modification of political power caused by the processes of globalization. Based on a wide range of socio-

political theories and concepts, the author examines the problems of state governance, disintegration, and political stability of state power in the face of contemporary challenges and threats. The author critically analyzes modern theories, such as “the end of power”, “retrotopia” and “liquid society”. The author shows both the significant heuristic potential of these conceptual models and their limited capabilities for interpreting current socio-political reality. The article concludes that difficulties of implementation of public administration in current conditions should not detract from importance of quality public administration, the requirements for which are also increasing.

Keywords: power, governance, sovereignty, globalization, “color revolutions”

REFERENCES

- [1] Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [The Image of Society. Selected Works]. Moscow: Jurist; 1994. 704 p. (In Russ.).
- [2] Volkov N.A. *Uchenie svyashhennogo pisanija o bozhestvennom proishozhdenii carskoj vlasti. Soch. zakonouchitelja Gub. Voronezhsk. gimnazii svyashh. Nikolaja Volkova* [The Doctrine of the Holy Scripture about the Divine Origin of the Royal Power]. Voronezh: tip. Gol'dshtejna; 1868. 65 p. (In Russ.).
- [3] Kalamano V.A. *O vlasti: k politicheskoj filosofii gosudarstva i obshchestva* [On Power: To the Political Philosophy of State and Society]. Moscow: Lenand; 2018. 368 p. (In Russ.).
- [4] Bauman Z. *Tekuchaja sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p. (In Russ.).
- [5] Sharp J. *Ot diktatury k demokratii: strategija i taktika osvobodzhenija* [From Dictatorship to Democracy: Strategy and Tactics of Liberation]. 2nd ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2012. 84 p. (In Russ.).
- [6] Naim M. *The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being in Charge Isn't What It Used to Be*. Basic Books; 2013. 320 p.
- [7] Attali J. *Na poroge novogo tysjacheletija* [On the Threshold of the New Millennium]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija; 1993. 133 p. (In Russ.).
- [8] Ivanov V.G. Krizis koncepcii “tehnokratii” v kontekste izucheniya postindustrial'nogo obshchestva [Crisis of the Concept of “Technocracy” in the Context of the Study of Post-industrial Society]. *Voprosy gumanitarnyh nauk*. 2007; 1 (28): 428–433 (In Russ.).
- [9] Gromov A. Strah kak otvlekajushhij manevr: taktika politikov SShA [Fear as a Distraction: Tactics of the US Politicians]. *Federal'noe agentstvo novostej*. 13.01.2016. URL: <https://riafan.ru/495439--strah-kak-otvlekayushij-manevr-taktika-politikov-ssha>. Accessed: 10.10.2018 (In Russ.).
- [10] Ivanova M.G., Ivanov V.G. Osobennosti metodologii politicheskoj psihologii v Rossii [Russian Political Psychology: Specifics and Peculiarities of Methodology]. *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS*. 2019; 15 (2): 65–81 (In Russ.).
- [11] Ivanova M.G. Psihologija vlasti v politologicheskom analize [Psychology of Power in Political Analysis]. *PolitBook*. 2018; 3: 157–171 (In Russ.).
- [12] Mann S. Reakcija na haos [Reaction to Chaos]. *Intelros*. 26.02.2007. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html. Accessed: 10.10.2018 (In Russ.).
- [13] Bendyk Je. Politika straha [The Politics of Fear]. *InoSMI. Politika*. 07.02.2014. URL: <http://inosmi.ru/world/20140215/217551694.html>. Accessed: 10.10.2018 (In Russ.).
- [14] Kalamano V.A. *Vremja preodolenija: prakticheskaja filosofija rossijskoj idei* [The Time of Overcoming: Practical Philosophy of the Russian Idea]. Moscow: Ves' mir; 2013. 400 p. (In Russ.).
- [15] Bauman Z. *Retrotopia*. Moscow: VCIOM; 2019. 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Каламанов Владимир Авдашевич – доктор юридических наук, Заместитель Председателя Совета управляющих Центра устойчивого энергетического развития под эгидой ЮНЕСКО (МЦУЭР) (e-mail: info@isedc-u.com).

Information about the author:

Vladimir A. Kalamanov – Doctor of Law, Deputy Chairman of the Governing Board, International Sustainable Energy Development Centre under the auspices of UNESCO (Russian Federation) (e-mail: in-fo@isedc-u.com).

Для цитирования:

Каламанов В.А. Современные источники и метаморфозы политической власти: критический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 7–24. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-7-24

For citation:

Kalamanov V.A. Current Sources and Metamorphoses of Political Power: A Critical Analysis. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (1): 7–24. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-7-24

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-25–35

Научная статья

Политическая и неполитическая формы участия граждан в общественной жизни России

А.А. Бекшенёва, Н.Н. Ягодка

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению политической и неполитической составляющей выражения общественного мнения в современной России. Авторы выделяют наиболее востребованные каналы выражения общественного мнения по актуальным вопросам через имеющиеся общественные институты. Анализируется участие населения в существующих гражданских и социальных практиках, выявляется потенциал повышения гражданской и политической вовлеченности. В работе анализируются причины низкого уровня политического участия граждан в России, формулируются потенциальные пути решения данной проблемы, в том числе посредством использования возможностей современных коммуникационных средств. Приводится классификация наиболее массовых секторов гражданского участия. На основе анализа социологических данных делается вывод о взаимосвязи трудоемкости общественного участия и количества граждан, практикующих те или иные формы гражданских инициатив. В статье представлена социально-политическая повестка протестных акций, состоявшихся в 2017–2018 гг. в России, анализируются их причины и дается прогноз развития протестной повестки в дальнейшем. В заключении формулируется тренд дальнейшего политического и неполитического участия граждан в жизни страны и решении актуальных проблем социально-политической, экономической, экологической и иных сфер общественной жизни.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская инициатива, политическое участие, неполитический активизм, общественные организации, некоммерческие организации

В современном мире гражданское общество, с одной стороны, понимается как совокупность межличностных отношений и социальных институтов, находящихся в постоянном контакте друг с другом (институт семьи, образования, культуры, религии и др.). Формирование данных институтов происходит, как правило, на добровольной основе, что способствует незави-

© Бекшенёва А.А., Ягодка Н.Н., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

символом артикуляции мнений граждан через социальные движения и разнообразные формы общественной коммуникации [1]. Таким образом создаются благоприятные условия для реализации субъективных прав и обязанностей граждан, роста гражданской активности, удовлетворения интересов и потребностей как отдельных индивидов, так и многочисленных социальных групп.

С другой стороны, гражданское общество может рассматриваться как некая идеальная и недостижимая модель общественного развития. Модель, к которой должно стремиться любое зрелое государство и общество. Согласно данному подходу гражданское общество является свободным объединением независимых граждан, обладающих определенным набором гражданских, социальных, экономических, культурных прав, принимающих активное участие в процессе государственного управления и удовлетворяющих широкий спектр собственных потребностей.

Важным показателем функционирования гражданского общества выступает социальная инициатива, которая проявляется при формировании общественного запроса на всестороннюю самореализацию граждан, изменение и корректировку действующего политического и социального курса, улучшение качества жизни широких слоев населения, проведение фундаментальных политических и социальных реформ. Социальная инициатива является базовой составляющей формирования зрелого гражданского общества в любой стране.

Воплощение социальной инициативы осуществляется через участие в социальных и гражданских практиках. Субъектами реализации подобных практик выступают гражданские активисты. Гражданский активизм представляет собой добровольную индивидуальную или коллективную деятельность людей, осуществляемую вокруг общих интересов и ценностей, которая реализуется публично и бескорыстно. Проявление гражданского активизма подразумевает совершение его субъектами гражданских поступков – осознанных действий, направленных на отстаивание и защиту гражданских прав, помощь окружающим, решение общественных проблем. Гражданский поступок является значимым этапом выхода его субъекта из пассивного в активное, субъектное поле [2].

Гражданская инициатива развивается в сосуществовании в ней политической и неполитической составляющих, которые, с одной стороны, не имеют четкой границы между собой, с другой, у каждой определенное своеобразие и особенности, свои мотивы и институты, создающие возможности и условия их реализации.

Политическая составляющая гражданского активизма сосредоточена вокруг институтов государственной и муниципальной власти страны, органов государственного управления, институтов закона и права. Политические инициативы, как правило, направлены на изменение архитектуры власти, перераспределение властных рычагов, выражение недоверия политическим лидерам и курсу в целом.

Говоря об участии населения в гражданских инициативах, следует отметить важную роль молодежи. Именно представители молодого поколения

(18–35 лет) призваны выступать проводниками новых идей и смыслов, быть основной движущей и преобразовывающей силой социальной действительности в нашей стране.

В последние несколько лет в России сформировался общественный запрос на более широкое вовлечение представителей молодежи в общественно-политическую жизнь государства. Данный тренд подтверждается результатами социологического исследования, проведенного весной 2019 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [3]. Так, согласно проведенному опросу, 90% россиян считают необходимым привлекать молодежь к участию в политической и общественной жизни (см. таблицу 1).

Таблица 1 / Table 1

Надо ли, по Вашему мнению, привлекать молодежь к участию в политической и общественной жизни страны или нет? (закрытый вопрос, один ответ, %) / In your opinion, should youth be involved in the political and public life of the country or not? (close-ended question, one answer, %)

Answers	2019	2017	2007	2005
Безусловно надо / Definitely yes	54	53	42	48
Скорее надо / Rather yes	36	37	33	34
Скорее не надо / Probably not	6	6	12	12
Безусловно не надо / Definitely not	2	1	3	2
Затрудняюсь ответить / No answer	2	3	10	4

Источник: [3].

Source: [3].

Интересным представляется и тот факт, что помимо высокой доли респондентов в возрасте от 25 до 34 (46%), выступающих за активное привлечение молодежи к участию в политической и общественной жизни в России, опрос более старшего поколения демонстрирует высокое понимание важной роли молодого поколения в политическом и социальном развитии страны [3] (см. таблицу 2).

В ноябре 2018 г. исследовательский центр «Левада-центр» провел исследование уровня гражданской активности в России. Согласно результатам опроса большинство россиян готовы участвовать в общественной и политической жизни страны, однако степень такого участия находится в прямой зависимости от его трудоемкости [4]. Ради улучшения положения дел в стране более половины жителей России готовы голосовать на выборах за партии или кандидатов, предлагающих близкий им план преобразований (71%), подписывать открытые письма и различные петиции (53%), а также обра-

щаться в органы исполнительной власти (49%). Формы гражданского участия, которые требуют дополнительных ресурсных затрат, пользуются крайне низкой популярностью среди россиян. Принимать участие в работе общественных и политических организаций не готовы 69% опрошенных, работать волонтером в общественных и политических организациях – 76%, и 90% опрошенных не готовы выдвигать свою кандидатуру на выборы любого уровня (см. Таблица 3).

Таблица 2 / Table 2

Надо ли, по Вашему мнению, привлекать молодежь к участию в политической и общественной жизни страны или нет? (закрытый вопрос, один ответ, %) / In your opinion, should youth be involved in the political and public life of the country or not? (close-ended question, one answer, %)

Answers	Все опрошенные / All respondents	18-24 года / у.о	25-34 года / у.о	35-44 года / у.о	45-59 лет / у.о	60 лет и старше / 60 у.о. and older
Безусловно надо / Definitely yes	54	24	46	48	59	65
Скорее надо / Rather yes	36	53	39	40	35	29
Скорее не надо / Probably not	6	17	10	7	3	2
Безусловно не надо / Definitely not	2	3	3	2	2	1
Затрудняюсь ответить / No answer	2	3	2	3	1	3
	54	24	46	48	59	65

Источник: [3].

Source: [3].

Жители Москвы чаще жителей других крупных городов и населенных пунктов выразили готовность обращаться в органы исполнительной власти (60%), подписывать открытые письма и петиции (64%), выдвигать свою кандидатуру на выборах различных уровней власти (16%). Представители молодого поколения (от 18 до 24 лет) заявили о готовности включаться в работу общественных и политических организаций, а также быть волонтерами для улучшения общественно-политической жизни в России [4].

Выборы являются первичной формой политического активизма в стране, а также наиболее востребованным способом оказания влияния на власть, благодаря своей простоте и необременительности процедуры участия для граждан. Гражданин может выступать в данном процессе в качестве избирателя или избираемого, а также участника штаба конкретного кандидата или партии, наблюдателя за организацией и проведением процедуры голосования или сборщика подписей в выборных кампаниях.

Таблица 3 / Table 3

На что из перечисленного вы лично готовы или не готовы пойти, чтобы добиться изменений к лучшему? (в каждой строке респонденты могли выбрать только один ответ; ранжировано по убыванию по столбцу «готов») / **Which of the following are you personally ready or not ready to do to achieve changes for the better?** (respondents could choose only one answer; ranked in descending order by the “ready” column)

Answers	Готов / ready	Не готов / not ready	Нет ответа / no answer
Голосовать на выборах за партии / кандидатов, предлагающих близкий вам план преобразований / Vote in the election for parties / candidates offering a transformation plan close to you	71	29	<1
Подписывать открытые письма и петиции / Sign open letters and petitions	53	46	1
Обращаться в органы исполнительной власти / Contact the executive authorities	49	51	<1
Принимать участие в работе общественных и политических организаций / Take part in the work of public and political organizations	30	69	1
Работать волонтером в общественных и политических организациях / Work as a volunteer in public and political organizations	24	76	1
Участвовать в уличных акциях и митингах / Take part in street rallies and demonstrations	22	77	1
Выдвигать свою кандидатуру на выборах различного уровня / Seek election at various levels	10	90	<1
Поддерживать деньгами общественные или политические организации / Donate public or political organizations with money	8	91	1

Источник: [4].

Source: [4].

Следующая форма политического активизма заключается в участии граждан в общественно-политических акциях, которые могут быть выражены в форме митинга, демонстрации, пикета, шествия, что представляет собой публичную форму выражения мнения и стремление привлечь общественное и государственное внимание к определенным проблемам. Подобные социальные движения выступают в качестве одного из главных способов выражения общественного мнения в случае несогласия с действиями властей разных уровней. Данные мероприятия, как правило, имеют отношение к определенному общественно-политическому событию, являются стихийными и слабо прогнозируемыми, так как довольно затруднительно заранее предсказать точное количество участников акций, стратегию их проведения, эмоциональный фон и реакцию органов правопорядка.

Примером перечисленных мероприятий являются общественные акции 2018–2019 гг., направленные против повышения пенсионного возраста. Массовые протестные акции граждан Российской Федерации начались после анонсирования Правительством РФ 14 июня 2018 года законопроекта о пен-

сионной реформе, который заключался в появлении новой возрастной планки выхода на пенсию как для мужчин – до 65 лет, так и для женщин – до 63, впоследствии до 60 [5]. Одной из форм данного протеста были уличные мероприятия: митинги, демонстрации, агитации граждан, охватившие всю страну. В выходные дни, иногда и в рабочие, проходили протестные выступления в различных населенных пунктах, собиравшие значительное количество людей. Волна недовольства планами властей повлекла за собой и привлечение внимания к другим социальным проблемам: рост цен на бензин, повышение процента НДС, проблемы регионального или местного масштаба и др. В итоге число протестных выступлений увеличилось почти в три раза в 2018 году относительно 2017 года [6].

Характеризуя протестные акции периода 2017–2018 гг., следует отметить, что 74% всех акций были связаны с социально-экономическими причинами, в первую очередь проводимой пенсионной реформой. На втором месте (7,3% от всех протестных акций) находились протесты, связанные с экологической повесткой: несогласие жителей со строительством мусорных полигонов, мусоросжигательных заводов, вырубкой лесов, отсутствием внятной политики по переработке и утилизации отходов и пр. Следует подчеркнуть, что потенциал роста экологических протестов сохраняется, что вынуждает власти уделять больше внимания данному вопросу и искать наиболее оптимальные пути решения назревших проблем. Также протестные акции в обозначенный период касались проблем защиты прав обманутых дольщиков (7% от всех акций), роста тарифов ЖКХ (6,2%), вопросов изменения политического курса региональных и федеральных властей и др. [6]. Наряду с согласованными с местными властями протестными мероприятиями проходили и несогласованные акции, которые иногда приводили к столкновению протестующих с представителями правопорядка, задержаниям и арестам участников акций. Данная тенденция продолжилась и в 2019 г.

В качестве системного метода повышения интереса граждан к участию в политической жизни можно указать привлечение граждан к работе конкретной общественной структуры, движения, некоммерческой организации (НКО), участие в его организации и управлении, например, путем членства в движении, политической партии, участие в работе органов местного самоуправления и других государственных и муниципальных образований. Данная форма гражданского и политического активизма носит более детальный характер и требует узких знаний и навыков от индивида, а также налагает на него определенные обязательства как перед выбранной организацией, так и перед населением конкретной территории.

Следующим способом проявления политической активности является участие в общественно-политической дискуссии: детальное и аргументированное обсуждение социально-политических событий, происходящих в стране, с друзьями, знакомыми, коллегами, экспертами. Такое поведение граждан показывает их заинтересованность, равнодушное отношение к государственным процессам, а это, в свою очередь, представляет собой первый шаг к дальнейшим действиям. Недостатком данной формы активности является ее непостоянство, фрагментарность и отсутствие системности уча-

ствия граждан. В интернет-пространстве регулярно создаются площадки для общения и поддержания контакта с политическими единомышленниками, здесь происходит сетевое взаимодействие граждан, что является еще одной формой выражения гражданской инициативы. Среди подобных площадок можно выделить как популярные социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Instagram, Twitter, Youtube), мессенджеры (Whatsapp, Telegram, Viber), порталы онлайн петиций и инициатив (портал для размещения электронных петиций – change.org, onlinpetition.ru, Российская общественная инициатива – roi.ru) и др.

Политическая направленность граждан в современном российском обществе находится на достаточно низком уровне в связи с незаинтересованностью людей в данной деятельности. Представляется обоснованным сделать вывод, что это является следствием того, что население мало верит в значимость своих действий, а также возможность влияния своего мнения на дела государственного уровня. Состояние «политического небытия» вполне устраивает определенную долю граждан в Российской Федерации, которая составляет практически половину населения страны [7].

Степень активности граждан в неполитических сообществах значительно выше, так как данный тип организаций охватывает значительно больший круг вопросов (социальных, экономических, культурных, экологических и пр.), представляющих интерес для различных слоев населения.

Интернет-активизм занимает немаловажное место в современной структуре выражения общественного мнения. Сообщества, созданные в виртуальном мире, имеют большое распространение среди граждан. В данном пространстве люди объединяются в соответствии с общими интересами. Данный вид активизма может быть направлен на неограниченное количество объектов, начиная от личных проблем, заканчивая вопросами международного масштаба – все, что не оставляет равнодушным население, при этом политическая сфера практически не затрагивается. Единомышленники находятся в постоянном контакте друг с другом. «Интернет сделал более сложными социальные пространства всех уровней, предоставил большую свободу и гибкость для гражданских неполитических активистов, обеспечил доступ к новым аудиториям, специалистам, стал эффективным каналом получения и распространения информации» [8]. С помощью популярных социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Instagram, YouTube, Twitter и др.) люди легко могут за короткое время охватить огромную аудиторию, при этом оперативно получить обратную связь, поддержку, конструктивную критику, что тоже приводит к определенным результатам. Интернет-платформы превратились в социальный инструмент решения общественных проблем благодаря широкому использованию технологий краудсорсинга и краудфандинга.

Следующим видом неполитической инициативы может выступать объединение людей в конкретные общественные движения, некоммерческие структуры, которые условно можно разделить на несколько направлений. Первая группа сконцентрирована на решении конкретных, узконаправленных, рутинных проблем, например, ассоциация соседей, товарищество соб-

ственников жилья, движения автомобилистов, связанные с борьбой с «мигалками», шумом, плохими дорогами [9], «зеленые движения» и другие.

Вторая группа объединений граждан ориентирована на более серьезные и масштабные проблемы, к которым можно отнести помощь людям при возникновении стихийных бедствий (пожаров, наводнений, землетрясений и пр.), защита экологии, движения активных родителей, отстаивающих интересы семьи и детей, активисты, занимающиеся помощью и сбором средств больным, детям-сиротам и детям с серьезными заболеваниями, движения по защите животных и общественные и благотворительные организации в Российской Федерации [10].

Профсоюзные организации, студенческие объединения, творческие и профессиональные союзы также представляют собой форму неполитического объединения граждан. Данные организации обладают определенной автономией в своей деятельности и решают значительный спектр вопросов, касающихся членов организаций.

Еще одним видом неполитических гражданских объединений являются благотворительные и общественные фонды, задачей которых является реализация целевых программ социальной поддержки определенных категорий граждан, научная и образовательная поддержка, поддержка культуры и искусства, охраны здоровья, пропаганды здорового образа жизни и охраны окружающей среды [11]. Например, Благотворительный фонд «Открыть мир» помощи детям и взрослым с особенностями в развитии, преимущественно с аутизмом, в Костроме [12], Благотворительный фонд «Мост» по работе с детьми-сиротами в Челябинске и другие [13].

Современные формы политического и неполитического выражения общественного мнения в России характеризуются своим многообразием. Несмотря на стремление государства контролировать повестку общественно-политических объединений, наблюдается рост интереса граждан к общественным организациям, занимающимся вопросами социальной, политической, экономической, экологической, культурной сфер жизни общества. Современные средства электронной коммуникации, а также социальные сети делают возможным быстрое распространение информации, а также обмен информацией между гражданами, что способствует развитию горизонтальных общественных связей и укреплению гражданского общества. Деятельность политических и неполитических общественных организаций все чаще привлекают внимание не только средства массовой информации, но и государственной власти, что в итоге приводит к корректировке социально-экономических программ, нормативно-правовой базы и ускорению решения актуальных проблем российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абражеева Д.В., Музыкин А.А.* Гражданское общество современной России // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). М.: Буки-Веди, 2017. С. 1–4.

- [2] Ягодка Н.Н. Гражданские и социальные инициативы в России: монография. М.: РУДН, 2017. 180 с.
- [3] Молодежный активизм = общественная польза? // ВЦИОМ. 26.06.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775>. Дата обращения: 09.12.2019.
- [4] Всероссийский социологический опрос «Гражданская активность в России» от 22-28.11.2018 г. // Левада-центр. 13.02.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/>. Дата обращения: 09.12.2019.
- [5] Пенсионная реформа: что изменится с 2019 года // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/doc/pr230718/>. Дата обращения: 09.12.2019.
- [6] Рост протестной активности в России (результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг.) // Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2018/11/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%B2-%D0%A0%D0%A4-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3.pdf>. Дата обращения: 09.12.2019.
- [7] Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.
- [8] Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014, май–август. С. 148–163.
- [9] Движение «Общество «Синих ведерок» (Москва). URL: <http://ru-vederko.livejournal.com/>. Дата обращения: 09.12.2019.
- [10] Центр защиты прав животных «Вита». URL: <http://www.vita.org.ru/about-us.htm>. Дата обращения: 09.12.2019.
- [11] Благотворительная организация // Словарь-справочник по социальной геронтологии / под ред. Б. Тукумцева. Самара, 2003.
- [12] Благотворительный Фонд «Открыть мир». URL: <https://out-mir.ru/>. Дата обращения: 09.12.2019.
- [13] Благотворительный Фонд «Мост». URL: <https://www.fondmost.org/>. Дата обращения: 09.12.2019.

Research article

Political and Non-political Forms of Citizen Participation in Public Life in Russia

A.A. Beksheneva, N.N. Yagodka

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article is devoted to the consideration of political and non-political component of public opinion's expression in contemporary Russia. The authors highlight the most popular channels for expressing public opinion on pressing issues through existing public institutions. The participation of population in the existing civic and social practices is analyzed, and the potential for increasing civic and political involvement is revealed. The paper focuses on the reasons for the low level of citizen political participation in Russia, formulates potential ways to solve this problem, including usage of modern communication tools. The classification of the most popular sectors of civic participation is also presented. Based on the analysis of sociological data, the authors highlight the relationship between the complexity of public participation and the

number of citizens involved in various forms of civic initiatives. The article presents the socio-political agenda of the protests of 2017–2018 in Russia as well as its reasons. A forecast for the development of the protest agenda in future is also given in the article. In conclusion there is a forecast for the further development of political and non-political citizen participation in public life of the country and solution of pressing problems such as socio-political, economic, environmental and other spheres of public life.

Keywords: civil society, civic initiative, political participation, non-political activism, public organizations, non-profit organizations

REFERENCES

- [1] Abrazheeva D.V., Muzykin A.A. *Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoj Rossii. Aktual'nye problemy prava: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, dekabr' 2017 g.)*. [Civil Society of Modern Russia. *Actual Problems of Law: Materials of the VI Intern. Scientific Conf. (Moscow, December 2017)*]. Moscow: Buki-Vedi; 2017: 1–4 (In Russ.).
- [2] Yagodka N.N. *Grazhdanskije i social'nye iniciativy v Rossii* [Civic and Social Initiatives in Russia]. Moscow: RUDN; 2017. 180 p. (In Russ.).
- [3] Molodyozhnyj aktivizm = obshchestvennaya pol'za? [Youth activism = public benefit?]. *WCIOM*. 26.06.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).
- [4] Vserossijskij sociologicheskij opros «Grazhdanskaya aktivnost' v Rossii» ot 22-28.11.2018 g. [The All-Russian Sociological Survey “Civic Activity in Russia” dated November 22–28, 2018]. *Levada Center*. 13.02.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).
- [5] Pensionnaya reforma: chto izmenitsya s 2019 goda [Pension Reform: What Will Change from 2019]. *Consultant Plus*. URL: <http://www.consultant.ru/law/doc/pr230718/>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).
- [6] Rost protestnoj aktivnosti v Rossii (rezul'taty vserossijskogo monitoringa 2017–2018 gg.) [The Growth of Protest Activity in Russia (Results of the All-Russian Monitoring 2017–2018)]. *Center for Economic and Political Reforms*. URL: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2018/11/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%B2-%D0%A0%D0%A4-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3.pdf>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).
- [7] Sedova N.N. *Grazhdanskij aktivizm v sovremennoj Rossii* [Civic Activism in Modern Russia: Forms, Factors, and Social Base]. *Sociologicheskij zhurnal*. 2014; 2: 48–71 (In Russ.).
- [8] Demakova K., Makoveckaya S., Skryakova E. *Nepoliticheskij aktivizm v Rossii* [Non-political Activism in Russia]. *Pro et Contra*. 2014; May – August: 148–163 (In Russ.).
- [9] *Dvizhenie “Obshchestvo Sinih vederok” (Moskva)* [The Movement “Society of Blue Pails” (Moscow)]. URL: <http://ru-vederko.livejournal.com/>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).
- [10] *Centr zashchity prav zhivotnyh «Vita»* [Center for Protection of Animal's Rights “Vita”]. URL: <http://www.vita.org.ru/about-us.htm>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).

- [11] Blagotvoritel'naya organizaciya. *Slovar'-spravochnik po social'noj gerontologii* [Charitable organization. *Dictionary of Social Gerontology*. Ed. B. Tukumtseva]. Samara; 2003 (In Russ.).
- [12] *Blagotvoritel'nyj Fond "Otkryt' mir"* [Charity Fund "Open the World"]. URL: <https://out-mir.ru/>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).
- [13] *Blagotvoritel'nyj Fond "Most"* [Charity Fund "Bridge"]. URL: <https://www.fondmost.org/>. Accessed: 09.12.2019 (In Russ.).

Информация об авторах:

Бекшенёва Александра Андреевна – студентка 4 курса кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (e-mail: bekshenevasasha@mail.ru).

Ягодка Николай Николаевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-2354-3115) (e-mail: yagodka-nn@rudn.ru).

Information about the authors:

Alexandra A. Beksheneva – 4th year Student of the Department of Public and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: bekshenevasasha@mail.ru).

Nikolay N. Yagodka – PhD in Political Science, Senior Lecturer of the Department of Public and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-2354-3115) (e-mail: yagodka-nn@rudn.ru).

Для цитирования:

Бекшенёва А.А., Ягодка Н.Н. Политическая и неполитическая формы участия граждан в общественной жизни России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2020. Т. 7. № 1. С. 25–35. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-25-35

For citation:

Beksheneva A.A., Yagodka N.N. Political and Non-political Forms of Citizen Participation in Public Life in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (1): 25–35. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-25-35

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-36-46

Научная статья

Восприятие мемориального конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей

С.И. Белов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы 1, Москва, Россия, 119991

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Институт философии РАН
Гончарная ул., 12 стр. 1, Москва, Россия, 109240

Аннотация. Представленное исследование посвящено теме восприятия конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей. В основу статьи легли материалы киберметрического исследования, проведенного посредством сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz. Методологическую базу работы формируют киберметрические методы, сочетающиеся с элементами традиционного контент-анализа и дескриптивным анализом. Проведенные изыскания показали, что российские интернет-пользователи восприняли фильм «Смерть Сталина» преимущественно негативно. Поддержка выхода кинокартины зафиксирована лишь в 25% сообщений, вошедших в выборку. Поддержка кинокартины пользователями преимущественно не была политически мотивирована. Отзыв российскими властями прокатного удостоверения у фильма не нашел поддержки со стороны пользователей. По их мнению, скандал, связанный с отзывом прокатного удостоверения фильма, спровоцировал рост интереса к кинокартине. Как противники, так и апологеты фильма сошлись во мнении, что Министерство культуры РФ уделило слишком много внимания данной проблеме, отвлекаясь от решения более значимых задач, стоящих перед ведомством. В действиях чиновников усмотрели попытку ограничить свободу слова. Поводом для критики стала также непоследовательность в действиях представителей власти. Государство выступило против выхода в прокат антисоветского по содержанию фильма, в то время как российские кинокартины, созданные в аналогичном идеологическом ключе, находят поддержку со стороны властей.

Ключевые слова: мемориальные войны, мемориальный конфликт, «Смерть Сталина», киберметрия, Интернет

© Белов С.И., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Система представлений о событиях прошлого выступает в качестве одного из основных элементов парадигмы национально-государственной идентичности [1. С. 269, 270]. Данное обстоятельство естественным образом обуславливает конкуренцию моделей исторического нарратива, существующих в обществе. Стремление изменить существующую идентичность со стороны внешних и внутренних акторов влечет за собой начало т.н. «мемориальных войн». При этом основным «полем боя» для конкурирующих сторон, как правило, выступает пространство массовой культуры. Большая часть представителей каждой макросоциальной группы плохо знакома с работами академических историков, не испытывает к ним интереса и зачастую не обладает навыками и знаниями, необходимыми для адекватного и корректного восприятия научного текста. Историческое сознание широких слоев населения носит во многом мифологический характер: наиболее востребованной с их стороны является заведомо упрощенная и потому непротиворечивая, легко доступная для понимания картина событий прошлого. По этой причине основным источником исторических знаний для большинства представителей социума являются школьные учебники и различные художественные произведения, посвященные событиям прошлого. Последние обретают особое значение, так как их авторы создают образ прошлого при помощи запоминающихся, эмоционально насыщенных символов, которые обретают для большинства носителей конкретной идентичности ценностное значение. Таким образом формируется национальный пантеон героев, фигуры которых воплощают собой ключевые события в истории государств и этносов [2].

Как следствие, появление произведений массовой культуры на историческую тематику зачастую сопровождается началом «мемориальных войн». Авторы художественных произведений склонны достаточно вольно обращаться с историческими фактами, что во многих случаях провоцирует острую реакцию со стороны общественности. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести конфликт, порожденный выходом на экраны кинокартины «Матильда» (2017, А. Учитель). Реконструкция личности и жизненного пути Николая II, произведенная создателями фильма, заметно разошлась со взглядами на историю значительной части российских монархистов. Результатом этого стали не только угрозы террористических актов, но и реальные эпизоды нападения на кинотеатры, в которых демонстрировался фильм [4].

Особенно острый характер мемориальные конфликты обретают в ситуациях, когда отображаемое в художественном произведении событие занимает особое место в исторической памяти общества. В случае современной России в данном качестве выступают Великая Отечественная война и ее конкретные деятели. Масштабы травмирующего характера данного события, причастность к нему абсолютного большинства граждан, относительно небольшая продолжительность хронологического отрезка, отделяющего общество от соответствующего исторического периода, высокая личная значимость войны в силу эмпатических связей с близкими родственниками –

очевидцами произошедшего – все эти факторы обуславливают особое отношение россиян к Великой Отечественной войне. Как следствие, произведения массовой культуры, противоречащие доминирующей системе о событиях и деятелях соответствующего периода, провоцируют начало ожесточенных дискуссий внутри общества. Последнее хорошо демонстрируют примеры таких кинокартин, как «Сволочи» (2006, А. Атанесян) и «Утомленные солнцем-2» (2010–2011 гг., Н. Михалков) [2; 5; 6; 7].

Многие из соответствующих сюжетов уже получили отражение на страницах научных публикаций. В частности, к ним обращались в своих исследованиях О.Ю. Малинова [8], Н.В. Немирова [7], А.М. Никольская [9], Н.В. Проказина, Н.П. Старых [10] и А.С. Семченков [11]. Однако часть эпизодов такого рода остаются еще не введенными в научный оборот (в первую очередь это касается относительно недавно созданных произведений массовой культуры).

Обращаясь к кейсам последних мемориальных конфликтов, в качестве наиболее значимого можно выделить события вокруг кинокомедии «Смерть Сталина» (2017, А. Ианнуччи), приведшие в итоге к отзыву у картины прокатного удостоверения в России. Дискуссия вокруг фильма обрела широкий общественный резонанс и выявила существенные противоречия в настроениях граждан.

Согласно данным ВЦИОМ за 2018 г., 70% россиян полагают, что над историей родной страны нельзя шутить ни при каких обстоятельствах. 64% респондентов сообщили социологам, что подобное недопустимо и в отношении ныне не живущих исторических деятелей [12].

В то же время исследование ВЦИОМ показало, что лишь 30% опрошенных выступили за запрет демонстрации фильма «Смерть Сталина» в России, а 35% осудили решение Министерства культуры РФ запретить прокат кинокартины. 58% респондентов заявили о намерении посетить показ кинокартины в случае, если бы ограничения на ее демонстрацию были сняты в ближайшие дни [4].

Наличие обозначенных противоречий ставит перед экспертным сообществом вопрос о том, почему россияне, в принципе в большинстве своем осуждающие комедийную демонстрацию событий национальной истории, в массе своей не поддержали запрет демонстрации фильма «Смерть Сталина» и одновременно проявили готовность ознакомиться с ним.

Представленное исследование призвано решить часть этой задачи. Его целью является оценка восприятия конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей.

Материалы и методы

Методология исследования включает в себя киберметрию с элементами традиционного контент-анализа и дескриптивный анализ.

Исследуемый контент был собран преимущественно при помощи сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz. Запросы для формирования рубрик в IQBuzz были составлены на русском языке, с использованием кириллицы и латиницы, с учетом возможности использования авторами сообщений слэнговых, нецензурных выражений, а также сокращенных словоформ.

Применение IQBuzz дало возможность сформировать выборку из 700 уникальных сообщений, размещенных в популярных социальных медиа, таких как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Живой журнал», «Facebook», «Instagram», «Twitter»). Отобранные записи характеризует наличие наибольшего числа «лайков», «репостов» и комментариев. Включенные в выборку посты, опубликованные в соцсети «Facebook», были выявлены посредством неавтоматизированного поиска сообщений по хэштегам. Последнее обусловлено тем, что размещенные в «Facebook» сообщения защищены от «считывания» мониторинговыми программами. Структура выборки подверглась процедуре взвешивания в соответствии с распределением аудитории социальных сетей между конкретными интернет-ресурсами по данным за 2018 г.

Количественные данные при подсчетах отображены в процентах от общего размера выборки. В одном сообщении зачастую встречаются одновременно несколько подлежащих подсчету переменных. Как результат, суммирование процентов в ряде случаев дает показатели, превышающие заявленные абсолютные показатели. Такого рода расхождения встречаются, в частности, при сопоставлении общей численности сообщений негативной или позитивной тональности и распределения мотивации действий их авторов. Последнее связано с тем, что автор одного сообщения в отдельных случаях указывал два и более мотива.

Результаты

Исследование показало, что тональность сообщений, размещенных пользователями относительно фильма «Смерть Сталина», носит преимущественно негативный характер (около 57% вошедших в состав выборки постов). 25% записей имеют позитивный окрас и 18% – нейтральный (см. рис. 1).

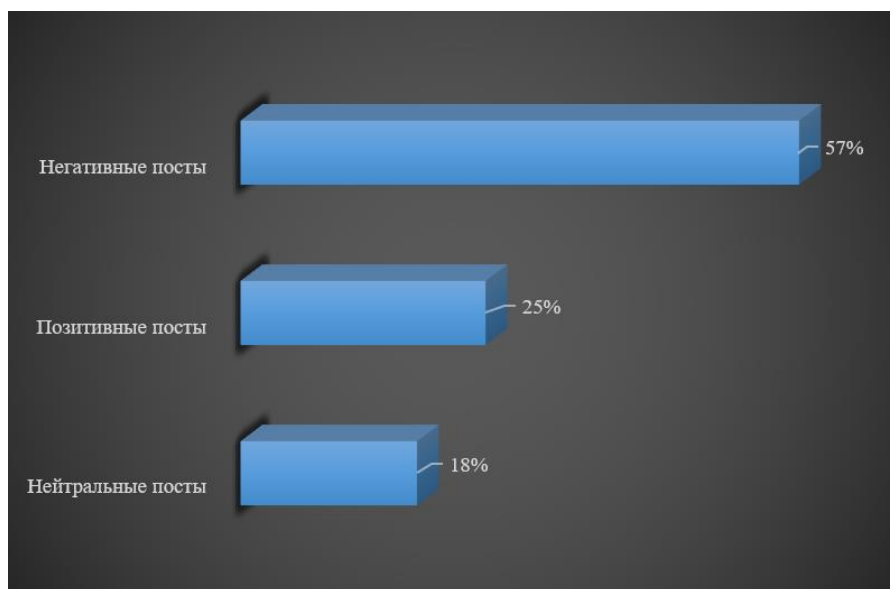

Рис. 1. Распределение сообщений по тональности (% от общего числа сообщений в выборке) /

Fig. 1. Distribution of messages by tone (% of the total number of messages in the sample)

Мотивация пользователей, отрицательно оценивших фильм, отличается сложной структурой. В большинстве случаев в одном сообщении указано более одного мотива. Часть (авторы 68% сообщений негативной тональности) объяснили свою позицию тем, что к числу персонажей, карикатурно отобранных в фильме, относятся исторические деятели, чьи фигуры имеют глубокое символическое значение для российской истории (например, Г.К. Жуков). Создатели 42% негативных постов отметили, что в фильме негативно позиционируется все советское руководство и сама политическая система СССР, что заведомо способствует искажению роли Советского Союза во Второй мировой войне. 25% отрицательных постов содержат указания того, что основной месседж фильма содержит в себе отсылки к политической системе современной России, т.е. является инструментом информационной войны государств Запада против Москвы. Авторы 16% сообщений отстаивают тезис о том, что формат комедии способствует «снижению остроты восприятия преступлений сталинского режима» современной аудиторией. В большинстве случаев один пост содержит упоминание сразу нескольких мотивов (см. рис. 2).

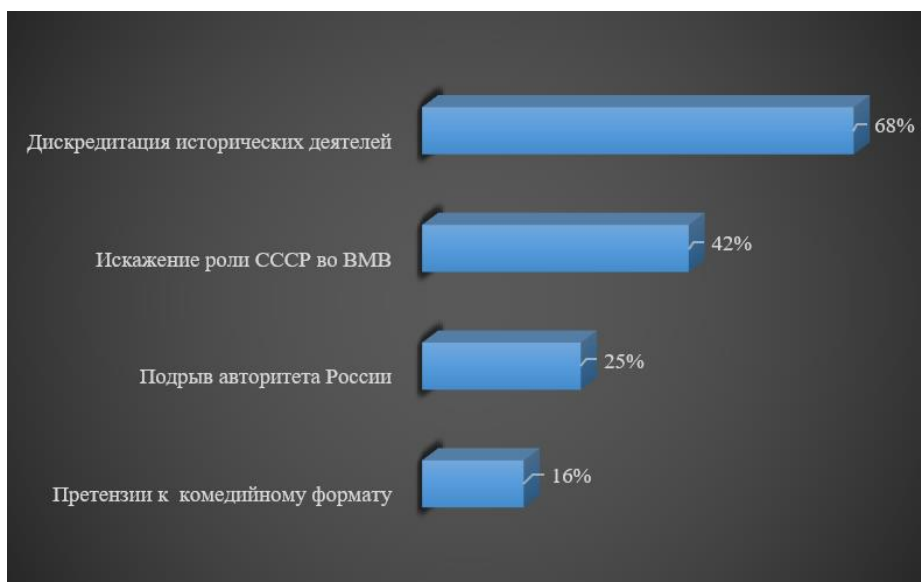

Рис. 2. Мотивация авторов сообщений с негативной окраской (% от общего числа сообщений негативной тональности) / Fig. 2. Motivation of authors of messages with a negative spin (% of the total number of messages with a negative spin)

Пользователи, позитивно оценившие появление кинокартины, объясняют свой выбор желанием развлечься (17% постов в выборке или 68% от общего числа сообщений позитивной тональности) или необходимостью борьбы с «пережитками сталинизма» в общественном сознании (14% и 56% соответственно). В значительной части сообщений оба мотива обозначены одновременно (см. рис. 3).

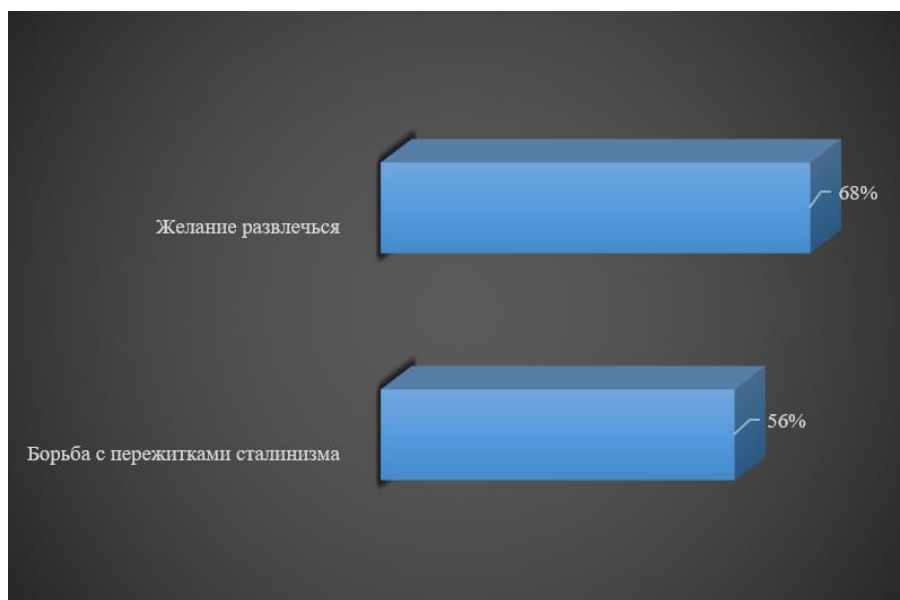

Рис. 3. Мотивация авторов сообщений с позитивной окраской (% от общего числа сообщений позитивной тональности) / Fig. 3. Motivation of authors of messages with a positive spin (% of the total number of messages with a positive spin)

При этом лишь 18% сообщений в выборке содержат в себе декларацию одобрения на запрет демонстрации фильма в российских кинотеатрах. Авторы 61% записей выступили с осуждением данной инициативы властей РФ (см. рис. 4).

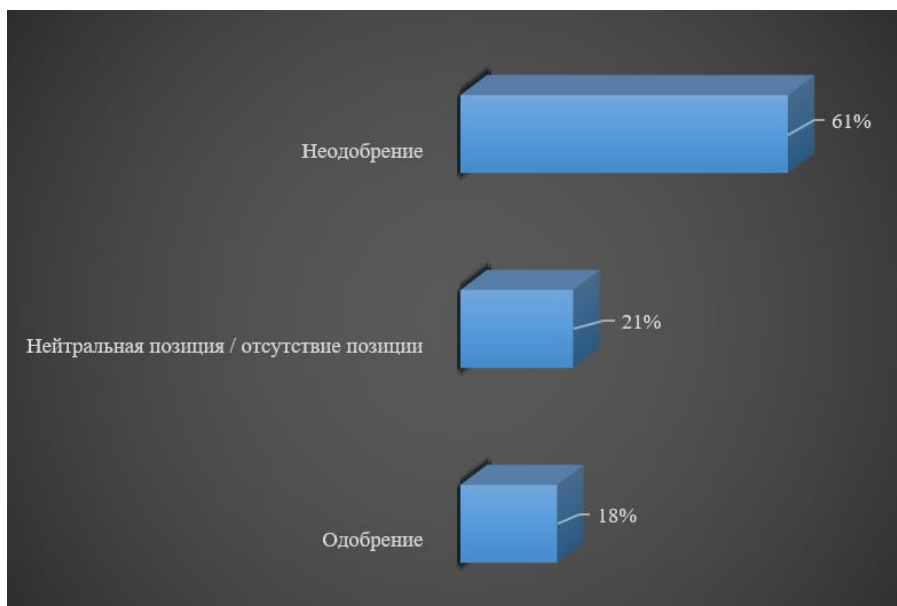

Рис. 4. Распределение сообщений по признаку одобрения/неодобрения на показ фильма (% от общего числа сообщений в выборке) / Fig. 4. Distribution of messages based on approval/disapproval of the movie (% of the total number of messages in the sample)

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, почему более чем 2/3 сообщений негативной тональности (т.е. свыше 38% от общего числа постов в выборке) содержат декларацию сомнений в пользе запрета на демонстрацию фильма. Чаще всего (37% от общего числа сообщений негативной тональности) их авторы аргументируют свою позицию тем, что запрет играет роль фактора, стимулирующего интерес массовой аудитории. Авторы 30% негативных постов выражают точку зрения, согласно которой в культурной жизни России есть куда более значимые проблемы, заслуживающие внимания федерального руководства. Около 11% сообщений негативной тональности содержат в себе доводы в пользу того, что демонстрация фильма привела бы к обратному эффекту, лишь усилив патриотические настроения в обществе. В некоторых случаях один пост содержит упоминание одновременно двух-трех мотивов (см. рис. 5).

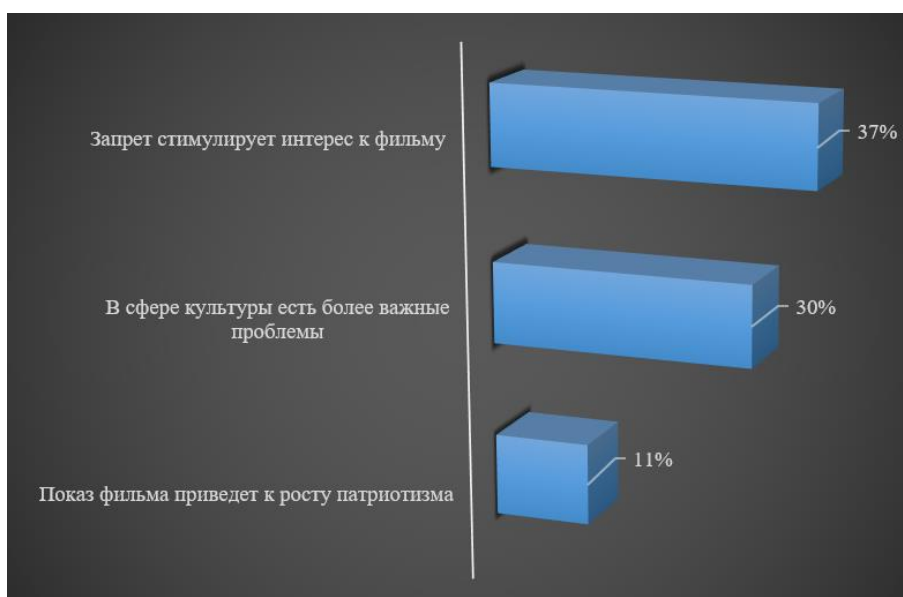

Рис. 5. Причины неодобрения запрета демонстрации фильма среди авторов сообщений негативной тональности (% от общего числа сообщений негативной тональности) / Fig. 5. Reasons for disapproval of the ban on showing the film among authors of negative tone messages (% of the total number of negative tone messages)

Пользователи, положительно либо нейтрально относящиеся к появлению кинокартины, критикуют отзыв прокатного удостоверения у фильма преимущественно посредством четырех доводов. В большинстве случаев в одном сообщении присутствуют несколько доводов одновременно. 51% сообщений негативной или нейтральной тональности содержат аргументы в пользу того, что действия властей в данном случае содействовали ограничению свободы слова. В 35% публикаций данного типа авторы подчеркивают, что, по их мнению, Министерство культуры РФ должно заниматься более сложными вопросами. В 23% записей негативной или нейтральной тональности авторов запрета обвинили в апологии сталинизма. В 16% сообщений

представителей власти обвиняют в двойных стандартах: по мнению пользователей, государство активно поддерживало создание «антисоветских» фильмов, таких как две части «Утомленных солнцем-2», и в то же время заблокировало прокат почти идентичной по духу зарубежной кинокартины (см. рис. 6.).

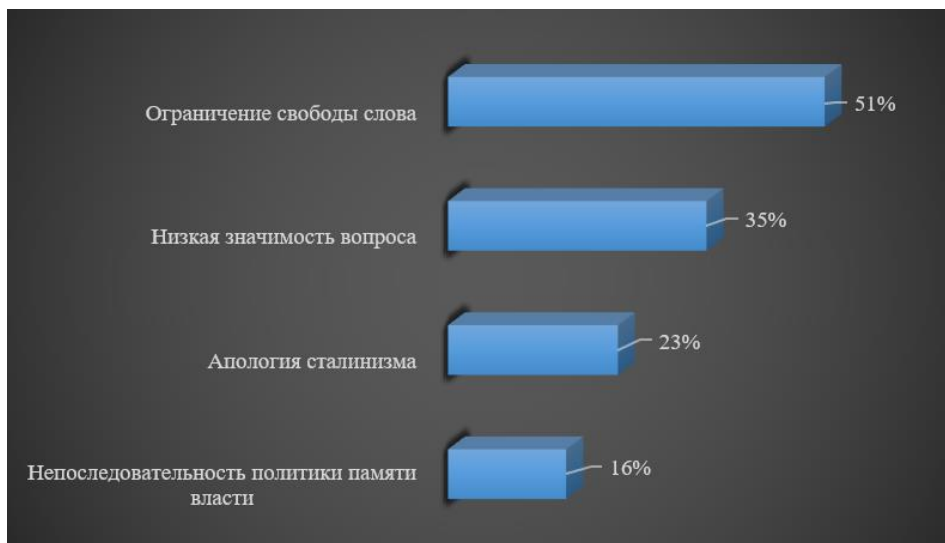

Рис. 6. Причины недовольства запрета демонстрации фильма среди авторов сообщений позитивной и нейтральной тональности (% от общего числа сообщений в выборке) / Fig. 6. Reasons for disapproval of the ban on showing the film among the authors of messages of positive and neutral tone (% of the total number of messages in the sample)

Заключение

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что российские интернет-пользователи восприняли сам фильм «Смерть Сталина» преимущественно негативно. Поддержка выхода кинокартины не достигла существенного уровня и преимущественно не была политически мотивирована. Однако реакция российских властей на возможность его появления в прокате также не нашла поддержки со стороны пользователей. По их мнению, скандал, связанный с отзывом прокатного удостоверения, лишь спровоцировал рост интереса к кинокартине (что косвенно подтверждают данные традиционной социологии). Как противники, так и апологеты фильма сошлись во мнении, что Министерство культуры РФ уделило слишком много внимания данной проблеме, отвлекаясь от решения более насущных задач. В действиях чиновников увидели также попытку ограничить свободу слова. Поводом для критики стала также непоследовательность в действиях представителей власти, а также то, что государство выступило против выхода в прокат антисоветского по содержанию фильма, в то время как российские кинокартины, созданные в аналогичном ключе, находят поддержку со стороны властей.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: Компаративный анализ».

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the Russian Science Foundation-supported research project No. 18-18-00233 “Film images of the Soviet and American enemies in the symbolic politics of the Cold war: A Comparative analysis».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 269–277.
- [2] Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
- [3] Водитель «УАЗ» сжег кинотеатр в Екатеринбурге из-за фильма «Матильда». Мэр города Евгений Ройзман назвал произошедшее терактом // МК. 09.04.2017. URL: <https://www.mk.ru/incident/2017/09/04/voditel-uaz-szheg-kinoteatr-v-ekaterinburgezizza-filma-matilda.html>. Дата обращения: 08.09.2018.
- [4] Ключникова Т.Н., Исаева Е.Ю. Историческая память о Великой Отечественной войне как процесс формирования гражданской идентичности молодежи // Образование и общество. 2014. № 4 (87). С. 65–69.
- [5] Кориунова О.Н., Поливанов Я.М. Историческая память о мировых войнах как проблема конфликтологии // Конфликтология. 2014. № 3. С. 39–50.
- [6] Немирова Н.В. Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2015. № 4 (63). С. 157–165.
- [7] Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158.
- [8] Никольская А.М. Память о великой войне // Pro punc. Современные политические процессы. 2013. № 1 (12). С. 32–35.
- [9] Проказина Н.В., Старых Н.П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 35–43.
- [10] Семченков А.С. Историческая память о Великой Отечественной войне и обеспечение политической стабильности России // Вестник Российской нации. 2015. № 3 (41). С. 16–27.
- [11] Ирония истории, или можно ли смеяться над смертью Сталина? // ВЦИОМ. 19.02.2018. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religious-lifestyle/past-future/article/ironija-istorii-ili-mozhno-li-smejatsja-nad-smertju-stal.html>. Дата обращения: 08.10.2019.

Perception of the Memorial Conflict around the Film “The Death of Stalin” among Russian Internet Users

S.I. Belov

Moscow State University
Leninskiy Gory str., 1, Moscow, Russian Federation, 119991

Saint Petersburg State University
University Embankment, 7/9, St Petersburg, Russian Federation, 199034

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya str., 12/1, Moscow, Russian Federation, 109240

Abstract. The presented study is devoted to the problem of perception of the conflict around the film “Death of Stalin” among Russian Internet users. The article is based on materials from the cybermetric study conducted through the social media monitoring service IQBuzz. The methodological basis of the work is formed by cybermetric methods combined with elements of traditional content analysis and descriptive analysis. The survey showed that Russian Internet users perceived the film “Stalin’s Death” mostly negatively. Support for the release of the movie is detected in only 25% of the messages included in the sample. Support of the movie by users was mostly not politically motivated. Russian authorities didn’t find support from the users for the film’s rental license. In their opinion, the scandal associated with the revocation of the film’s film license provoked increase of interest. Both opponents and apologists of the film agreed that the Ministry of Culture of the Russian Federation paid too much attention to this problem, distracting from the solution of the more significant tasks facing the department. The actions of officials were considered as an attempt to restrict freedom of speech. The reason for criticism was also inconsistency in the actions of government officials. The state opposed the release of the anti-Soviet film in terms of content, while Russian films, created in a similar ideological vein, are supported by the authorities.

Keywords: memorial wars, memorial conflict, “Death of Stalin”, cybermetry, Internet

REFERENCES

- [1] Belov S.I. Nedostatki formirovaniya politiki pamjati v Rossii (rezul’taty obobshheniya jekspertnyh mnenij) [Disadvantages of the Formation of the Memory Policy in Russia (the Results of the Generalization of Expert Opinions)]. *RUDN Journal of Political Science*. 2018; 20 (2): 269–277 (In Russ.).
- [2] Evgen’eva T.V., Selezneva A.V. Sovetskoe proshloe v cennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossijskoj identichnosti [The Soviet Past in the Value and Figurative – symbolic Space of Russian Identity]. *Polis. Political Studies*. 2016; 3: 25–39 (In Russ.).
- [3] Voditel’ «UAZ» szheg kinoteatr v Ekaterinburge iz-za fil’ma «Matil’da». Mehr goroda Evgenij Rojzman nazval proizoshedshee teraktom [The UAZ Driver Burned Down a Movie Theater in Yekaterinburg because of the Movie “Matilda”. The Mayor of the City Yevgeny Roizman Called the Incident a Terrorist Attack]. *MK*. 09.04.2017. URL: <https://www.mk.ru/incident/2017/09/04/voditel-uaz-szheg-kinoteatr-v-ekaterinburge-izza-filma-matilda.html>. Accessed: 08.09.2018 (In Russ.).
- [4] Klyuchnikova T.N., Isaeva E.Yu. Historical Memory of the Great Patriotic War as a Process of Forming the Civic Identity of Young People [Istoricheskaja pamjat’ o Ve-

- likoj Otechestvennoj vojne kak process formirovanija grazhdanskoj identichnosti molodezhi]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 2014; 87 (4): 65–69 (In Russ.).
- [5] Korshunova O.N., Polivanov Ya.M. Istoricheskaja pamjat' o mirovyh vojnah kak problema konfliktologii [Historical Memory of World Wars as a Problem of Conflictology]. *Konfliktologiya*. 2014; 3: 39–50 (In Russ.).
- [6] Nemirova N.V. Istoricheskaja pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: opyt kachestvennogo sociologicheskogo issledovanija [Historical Memory of the Great Patriotic War: The Experience of Qualitative Sociological Research]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sociologicheskie nauki*. 2015; 4 (63): 157–165 (In Russ.).
- [7] Malinova O.Yu. Oficial'nyj istoricheskij narrativ kak jelement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-h k 2010-m godam [The Official Historical Narrative as an Element of the Identity Policy in Russia: From the 1990s to the 2010s]. *Polis. Political Studies*. 2016; 6: 139–158 (In Russ.).
- [8] Nikol'skaya A.M. Pamjat' o velikoj vojne [The Memory of the Great War]. *Pro nunc. Sovremennye politicheskie processy*. 2013; 1 (12): 32–35 (In Russ.).
- [9] Prokazina N.V., Saryh N.P. Kommunikativnaja pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: teoreticheskie podhody i social'naja praktika [Communicative Memory of the Great Patriotic War: Theoretical Approaches and Social Practice]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2014; 5 (35): 35–43 (In Russ.).
- [10] Semchenkov A.S. Istoricheskaja pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne i obespechenie politicheskoj stabil'nosti Rossii [Historical Memory of the Great Patriotic War and Ensuring Political Stability in Russia]. *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2015; 3 (41): 16–27 (In Russ.).
- [11] Ironija istorii, ili mozhno li smejat'sja nad smert'ju Stalina? [The Irony of History, or Is It Possible to Laugh at Stalin's Death?]. *WCJOM*. 19.02.2018. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/past-future/article/ironija-istorii-ili-mozhno-li-smejatsja-nad-smertju-stal.html>. Accessed: 08.10.2019 (In Russ.).

Информация об авторе:

Белов Сергей Игоревич – доцент кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; докторант Института философии РАН; исполнитель гранта РФФИ № 18-18-00233 Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-1464-040X) (e-mail: Belov2006s@yandex.ru).

Information about the author:

Sergey I. Belov – Associate Professor of the Department of Russian Politics, Moscow State University (Russian Federation); Doctoral Candidate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation); Grant Contractor, Russian Foundation for Basic Research No 18-18-00233, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1464-040X) (e-mail: Belov2006s@yandex.ru).

Для цитирования:

Белов С.И. Восприятие мемориального конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 36–46. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-36-46

For citation:

Belov S.I. Perception of the Memorial Conflict around the Film “The Death of Stalin” among Russian Internet Users. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (1): 36–46. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-36-46

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-47-52

Научная статья

Чемпионат мира по футболу–2018 и визуализация власти

Е.А. Романовский

Венский университет
Университатсринг 1, 1010 Вена, Австрия

Аннотация. Современные государства активно работают над созданием и улучшением своего имиджа. Такой эффект во многом достигается за счет визуализации власти: суммы явных или неявных факторов, эффектов и свойств, направленных на визуальное присутствие власти. Автор статьи утверждает, что в современном мире спорт является важным инструментом продолжения политики и активно используется для визуализации политической линии государств. В статье делается вывод о том, что Чемпионат мира по футболу–2018, проходивший сразу в нескольких городах России, сформировал новое видение страны у миллионов иностранцев.

Ключевые слова: визуализация, власть, сила, Россия, мир, футбол, чемпионат мира

В канун начала международного футбольного чемпионата ФИФА в России, состоявшегося в 2018 году, гости из нескольких десятков различных стран получили опыт личного и нового «открытия России», хотя многим журналистам и политологам казалось, что «очередная холодная война», последовавшая после 2014 года, изменила отношение к Российской Федерации в мире. В итоге для одних Россия стала еще более загадочной страной, но для большинства – намного более близкой, чем можно было себе представить.

Не вызывает сомнений, что к началу чемпионата мира информационные повестки, связанные с Россией, являлись одними из наиболее широко обсуждаемых во многих странах мира: например, в США, так как ранее президент Америки назвал РФ одной из главных проблем для Соединенных Штатов [1], в странах ЕС в целом – в свете формирования нового украинского правительства [2], дела Скрипалей [3], исков в ЕСПЧ [4] и строительства «Северного потока-2» [5]. Россия также постоянно присутствовала в информационном поле и на Востоке – во многом в свете российско-китайского партнерства [6], а также из-за вовлеченности РФ в урегулирование войны в Сирии [7].

© Романовский Е.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Можно заключить, что Россия действительно стала важной темой для дискуссий как в среде профессионалов, так и обывателей по всему миру. Однако состоявшийся чемпионат показал, что наиболее сильное впечатление о стране создает визуальная репрезентация образа России, достигающаяся за счет имиджевой политики.

Для того, чтобы имидж России соответствовал ее ценностям и поставленным политическим задачам, Россия, как и ряд других стран, использует политику визуализации своего присутствия в мире или политику визуализации власти. «Власть становится чем-то, что никогда бы полностью было видимым, но никогда не может существовать и невидимо. И то, что является властью не в богословском, но в политическом смысле, например Конституция, которая в равной степени собрана из видимых и невидимых элементов или же наделена видимыми и невидимыми свойствами и способностями, может быть обозначена как зависимость «видимых» и «невидимых черт»» [8]. Иначе говоря, визуализация власти достигается за счет использования главных и вспомогательных средств репрезентации, которые подчеркивают характер управления. Визуализация власти служит задаче конструирования имиджа, которое, в свою очередь, часто используется как ресурс «мягкой силы» современных акторов мировой политики [9]. Соответственно, имиджевая политика направлена на создание позитивного и управляемого образа с целью повышения репутации и увеличения степени влияния.

Еще в древности гравюры и политические портреты королей служили не только способом повышения узнаваемости среди населения, но и «воплощали мечты и надежды подчиненных по отношению к монарху» [10]. Современная политическая агитация служит примерно этим же целям. Визуализация власти достигла невиданных масштабов, она стала как объектом привлечения внимания, так и средством манипуляции и пропагандистского контроля.

В связи с началом «новой холодной войны» [11] между Россией и Западом наша страна всецело заинтересована в конструировании позитивного имиджа: это способствует политическому, экономическому и культурному влиянию РФ за ее пределами. Чемпионат мира по футболу–2018, прошедший сразу в нескольких городах страны, во многом преследовал данную цель. Мундиаль стал не только экономическим средством для привлечения дополнительных инвестиций, но и в определенном смысле политическим рычагом, работавшим в направлении заинтересованных иностранцев, которые меняли свое представление о России, в том числе сталкиваясь с повседневной реальностью жизни в стране.

Но может ли спорт сам по себе или организация масштабных спортивных мероприятий служить тем самым рычагом, который бы приводил в движение «видимые и невидимые свойства власти»?

Спорт как важнейшее общественное явление не может отгородиться от социально-экономических и политических процессов. По словам американского социолога Р. Липсайта, «спорт был, есть и всегда будет отражением магистрального развития культуры и общества. Те, кто утверждает, что

мы могли бы или нам следует оградить спорт от политики, освободить его от коммерции и идеологии – глупцы» [12]. Политические деятели от местного до национального уровня извлекают максимальную выгоду из спорта, потому что спорт не только широко распространенное явление в современном обществе, но ассоциируется с тем, что хорошо, морально и справедливо [13]. О слиянии спорта и политики говорится, например, в трудах Д. Стровского «Журналистика и политическая культура: к вопросу о взаимодействии», П. Степового «Спорт, политика, идеология», Д. Ислямова «Олимпийские игры современности: бизнес, политика или спорт?», М. Курбанова «Спорт и политика, или политика и спорт?». О связи спорта и политики пишет австрийский исследователь С. Гюльденпфеннинг, определяя физическое воспитание и спорт не как целостное общественное явление, а лишь как «специфическую сферу политики», призванную гармонизировать классовые (групповые) отношения и маскировать антагонизмы в обществе. Г. Люшен отмечает, что спорт выражает общие достижения той или иной политической системы определенного общества [14].

«Понять Россию можно только приехав сюда и увидев, как она устроена вживую» стало неофициальным лозунгом прошедшего чемпионата. В канун Чемпионата мира по футболу–2018 один из самых высоких рейтингов на YouTube в России занимал канал, рассказывающий о реакции иностранцев на увиденное в России¹. Иностранцы многократно делятся своими положительными впечатлениями от пребывания в стране, связывая увиденное с тем, что им рассказывали о России их собственные СМИ и правительства. Так, например, Дэвид Димблби (David Dimbleby), известный комментатор новостных программ на канале BBC, поделился своими впечатлениями от посещения России следующим образом: «Это Россия, и у них тут все по-другому» [15].

Таким образом, предпринятый в данной статье анализ чемпионата мира по футболу–2018 через призму понятия визуализации власти ярко демонстрирует зависимость между проведением массовых спортивных и иных мероприятий, особенно международного уровня, и образом власти, ее восприятием со стороны граждан и международного сообщества, авторитетом, статусом и т.д. Визуализация власти через спортивные и культурные массовые мероприятия становится действенным решением в России, на фоне некоторого отхода от контекста «жесткой силы», о чем, например, свидетельствуют различия между последними двумя посланиями Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ (2019 и 2020 гг.), а также роста популярности ежегодных массовых фестивалей в российских городах, таких как «Круг Света», «Московские сезоны», «Цветочный джем», ежегодные спартакиады учащихся, универсиады и т.д.

¹ Канал пользователя «Таблетка для памяти» имеет несколько десятков видео о реакции иностранцев на Россию и более 70 миллионов просмотров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Россия как одна из главных угроз для США // Радио Свобода. 19.12.2017. URL: <https://www.svoboda.org/a/28926369.html>. Дата обращения: 18.12.2019.
- [2] Отношения ЕС-Украина. Справочный материал. 28.11.2019. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage/47943/node/47943_ru. Дата обращения: 18.12.2019.
- [3] Мировая реакция на конфликт России и Великобритании вокруг «дела Скрипалей» // ТАСС. 15.03.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5033254>. Дата обращения: 18.12.2019.
- [4] ЕСПЧ обяжал Россию выплатить 10 млн евро гражданам Грузии, высланным в 2006 году // Русская служба Би-би-си. 31.01.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47069014>. Дата обращения: 18.12.2019.
- [5] «Северный поток – 2»: ощутила ли Европа российскую удавку // ИноСМИ. 06.12.2018. URL: <https://inosmi.ru/politic/20181206/244174775.html>. Дата обращения: 18.12.2019.
- [6] Pushed by Sanctions, Russia Pivots to China // Japan Times. 28.06.2015. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/06/28/commentary/world-commentary/pushed-by-sanctions-russia-pivots-to-china/#.XFbnWi3Gm1u>. Дата обращения: 18.12.2019.
- [7] Сирия и роль России в новом мировом порядке // Русская служба Би-би-си. 03.10.2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37541018>. Дата обращения: 18.12.2019.
- [8] *Göhler G. Macht der Öffentlichkeit – Öffentlichleit der Macht. Baden-Baden: Nomos Verl. – Ges., 1995. 311s.*
- [9] *Хауэр-Тюкаркина О.М. Современная имиджевая политика Европейского союза. М.: Горячая линия – Телеком, 2015. 179 с.*
- [10] *Maar C., Burda H. Iconic Worlds. Neue Bilderwelten und Wissensräume. DuMont Literatur und Kunst Verlag. Köln, 2006. 374 s.*
- [11] *Бретерский А., Винокуров А. Новая холодная война: американцы готовы к тяжелой войне // Газета.ru 04.12.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/12/04_a_12081673.shtml. Дата обращения: 20.12.2019.*
- [12] *Серебряков А., Пономарев Н. Социология спорта США. М.: ФиС 1987. 223 с.*
- [13] *Чекменева Т.Г. К вопросу о взаимосвязи спорта и политики // В.В. Галкин. 28.05.2015. URL: http://vadim-galkin.ru/politics/policy/k-voprosu-o-vzaimosvyazi-sporta-i-politiki/. Дата обращения: 20.12.2019.*
- [14] *Сазонова Ю.А. Концепция спорта как политики и ее реализация на страницах СМИ // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 2 URL: http://human.snauka.ru/2014/02/5905. Дата обращения: 20.12.2019.*
- [15] *Putin’s Russia with David Dimbleby Review – Things are Different There // The Guardian. 13.06.2018. URL: https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2018/jun/13/putins-russia-with-david-dimbleby-review-things-are-different-there. Дата обращения: 20.12.2019.*

Research article

2018 FIFA World Cup and Visualization of Power

E.A. Romanovskiy

University of Vienna

Universitätsring 1, 1010 Vienna, Austria

Abstract. Modern states are actively working to create their image. This effect is largely achieved through the visualization of power: the sum of explicit or implicit properties

aimed at the visual presence of domination. Sport is an essential tool for continuing politics and is actively used to visualize a political line. The 2018 FIFA World Cup held in several cities of Russia formed a new vision of the country among foreigners.

Keywords: visualization, power, Russia, world, football, world championship

REFERENCES

- [1] Rossiya kak odna iz glavnyh ugroz dlja SShA [Russia as One of the Main Threats to the United States]. *Radio Svoboda*. 19.12.2017 URL: <https://www.svoboda.org/a/28926369.html>. Accessed: 30.01.2019.
- [2] *Otnoshenija ES-Ukraina. Spravochnyj material* [EU-Ukraine Relations. Reference material] 28.01.2020 URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/47943/node/47943_en. Accessed: 18.12.2019.
- [3] Mirovaja reakcija na konflikt Rossii i Velikobritanii vokrug “dela Skripalej” [World Reaction to the Conflict between Russia and Great Britain around the “Skrivals Case”]. *TASS*. 15.03.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5033254>. Accessed: 30.01.2019.
- [4] ESPCh objazal Rossiju vyplatit’ 10 mln evro grazhdanam Gruzii, vyslannym v 2006 godu [The ECHR Ordered Russia to Pay 10 Million Euros to Georgian Citizens Deported in 2006]. *Russkaja sluzhba BBC*. 31.01.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47069014>. Accessed: 18.12.2019.
- [5] «Severnij potok – 2»: oshhutila li Evropa rossijskuju udavku [Nord Stream 2: Did Europe Feel the Russian Noose]. *Ino-smi*. 06.12.2018. URL: <https://inosmi.ru/politic/20181206/244174775.html>. Accessed: 18.12.2019.
- [6] Pushed by Sanctions, Russia Pivots to China. *Japan Times*. 28.06.2015. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/06/28/commentary/world-commentary/pushed-by-sanctions-russia-pivots-to-china/#.XFbnWi3Gm1u>. Accessed: 20.12.2019.
- [7] Sirija i rol’ Rossii v novom mirovom porjadke [Syria and the Role of Russia in the New World Order]. *Russkaja sluzhba BBC*. 03.10.2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37541018>. Accessed: 30.01.2019.
- [8] Göhler G. *Macht der Öffentlichkeit – Öffentlichkeit der Macht*. Baden-Baden: Nomos Verl. – Ges.; 1995. 311 s. (In Germ.).
- [9] Hauer-Tyukarkina O.M. *Sovremennaja imidzhevaja politika Evropejskogo sojuza*. [Modern Image Policy of the European Union]. Moscow: Hot line – Telecom; 2015 (In Russ.).
- [10] Maar C., Burda H. *Iconic Worlds. Neue Bilderwelten und Wissensräume*. DuMont Literatur und Kunst Verlag. Köln; 2006. 374 s. (In Germ.).
- [11] Bretersky A., Vinokurov A. Novaja holodnaja vojna: amerikancy gotovy k zatjazhnoj vojne [The New Cold War: Americans Are Ready for a Protracted War]. *Gazeta.ru*. 04.12.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/12/04_a_12081673.shtml. Accessed: 30.01.2019 (In Russ.).
- [12] Serebryakov A., Ponomarev N. *Sociologija sporta SShA* [*Sociology of Sports in the USA*]. Moscow: FiS; 1987. 223 p. (In Russ.).
- [13] Chekmeneva T.G. K voprosu o vzaimosvjazi sporta i politiki [To the Question of the Relationship of Sport and Politics]. *V.V. Galkin*. 28.05.2015. URL: <http://vadimgalkin.ru/politics/policy/k-voprosu-o-vzaimosvyazi-sporta-i-politiki/>. Accessed: 30.01.2019 (In Russ.).
- [14] Sazonova Yu.A. Koncepcija sporta kak politiki i ejo realizacija na stranicah SMI [The Concept of Sport as a Policy and Its Implementation on the Pages of the Media]. *Humanitarian research*. 2014; 2. URL: <http://human.snauka.ru/2014/02/5905>. Accessed: 18.12.2019 (In Russ.).

- [15] Putin's Russia with David Dimbleby Review – Things Are Different There. *The Guardian*. 13.06.2018. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2018/jun/13/putins-russia-with-david-dimbleby-review-things-are-different-there>. Accessed: 18.12.2019.

Информация об авторе:

Романовский Евгений Андреевич – ассистент группы исследований Восточной Европы (EasternBlog) Венского университета (Австрия) (ORCID ID: 0000-0002-3931-2402) (e-mail: evro.rusbrother@gmail.com).

Information about the author:

Evgeny A. Romanovskiy – Assistant, Eastern Europe Research Group (EasternBlog), University of Vienna (Austria) (ORCID ID: 0000-0002-3931-2402) (e-mail: evro.rusbrother@gmail.com).

Для цитирования:

Романовский А.Е. Чемпионат мира по футболу–2018 и визуализация власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 47–52. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-47-52

For citation:

Romanovskiy E.A. 2018 FIFA World Cup and Visualization of Power. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (1): 47–52. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-47-52

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-53-69

Research article

Human Resource Management Practices
and Organizational Performance:
An Empirical Study of Oil and Gas Industry in Nigeria

M.M. Adagbabiri

Department of Political Sciences of Delta State University
P.M.B 1, Abraka, Nigeria

U.C. Okolie

Department of Political Sciences of Delta State University
P.M.B 1, Abraka, Nigeria

Chartered Institute of Personnel Management of Nigeria
1 Cipm Ave, Alausa 100001, Ikeja, Nigeria

Edo State Study Centre
Ogogugbo 1, Benin City, Nigeria

Abstract. The impact of human resource management (HRM) practices on organizational performance has been subject of discourse among social scientists from a wide range of disciplines in the last two decades. But unfortunately, very insufficient number of studies in this area has been conducted in Nigeria and other developing countries. This study was undertaken to fill this obvious research gap. The author applied descriptive method and collected the data via a survey of 164 respondents in Nigeria's Oil and Gas Industry. Data collected were analyzed using Pearson product moment correlation and t-test analysis. The study found that there is a significant relationship between HRM practices and organizational performance. As predicted, the study revealed that human resource management practices exert positive and statistically significant impact on organizational performance. Requisite conclusion and recommendations were provided in the light of theoretical and empirical findings. With this study, we hope to contribute to a better understanding of the role of HRM practices in creating and sustaining organizational performance, specifically in the Nigerian context.

Keywords: human resource management, organizational performance, correlation, best practices, Nigeria

© Adagbabiri M.M., Okolie U.C., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Introduction

The ultimate goal of a business organization is higher financial performance or maximization of wealth for the stakeholders [1]. Nonetheless, attaining the organization's goals depends upon the extent to which its organizational performance is reached [2]. Organizational performance is generally indicated by effectiveness (whether an organization can achieve its objectives), efficiency (whether an organization uses resources properly), satisfaction of employees and customers, innovation, quality of products or services, and ability to maintain a unique human resource pool [3].

Employees and their collective skills, abilities and experience, coupled with their ability to deploy these in the interest of the organization, are now recognized as making a significant contribution to organization growth and success and as constituting a major source of competitive advantage [4]. Similarly, Maliket concluded that in the era characterized by rapid and continuous change, human capital must be retained in order for organizations to be productive and responsive to the needs of their stakeholders. Implementation of appropriate HRM is critical to the growth and success of organizations because human capital has certain qualities that drive organization performance along with other resources such as material, money, and information.

The major challenge of modern organizations is the urge for increasing productivity and achieving a competitive advantage [5]. In terms of business strategy, an organization can succeed if it has a sustainable competitive advantage. To achieve competitive advantage, Bohlander and Snell [6] argued that while people have always been central to organizations, they have now taken on an even more central role in building a firm's competitive advantage. They posit further that success increasingly depends on the organization's people-embodied know-how, which includes the knowledge, skills and abilities embedded in an organization's employees. Organizations best able to meet this challenge are those that can acquire and utilize valuable and scarce resource. Human resources fall into this category of resources, particularly if they are effectively deployed through appropriate human resource practices [7]. Therefore, one of the key tasks for a modern organization is the effective management of its human resource.

Research in human resource management (HRM) has established that the success of any organization is highly influenced by the calibre of its human resource (HR), which in turn, is affected by the organization's human resource management practices [8]. Results of studies, from developed countries to developing countries, have been time and gain showing that HRM practices has significant impact on organizational performance [9; 10; 2; 7; 11; 12; 13]. But unfortunately, little empirical research has been conducted to examine the impacts of human resource management (HRM) practices on organizational performance in Nigeria. To augment the contemporary knowledge base of HRM practices of developing countries, this study has been undertaken.

Conceptual and theoretical review

1. Human Resource Management (HRM)

Practices Human resource management (HRM) refers to formal systems of management of people within an organization. HRM has assumed a vital strategic role in recent years as organizations attempt to compete through people. Organizations can create a competitive advantage when they possess or develop resources that are valuable, rare, inimitable, and organized [14]. According to Dessler [15. P.4], HRM refers to “the policies and practices involved in carrying out the human resource aspects of a management position including human resource planning, job analysis, recruitment, selection, orientation, compensation, performance appraisal, training and development, and labour relations”. Fajana [16] sees HRM as the discipline that is connected with the concepts, theories, plans, programmes, strategies, procedures, rules and regulations that are employed in the acquisition and utilization of men towards the achievement of organizational goals.

Jones [17] affirms that HRM includes all the activities that managers engage in to attract and retain employees and to ensure that they perform at a high level and contribute to the accomplishment of organizational goals. This supports the assertion of Boohene and Asuinura [7] who posits that, the result of effectively managing human resources is an enhanced ability to attract and retain qualified employees who are motivated to perform. To them, the benefits of having the right employees motivated to perform include greater profitability, low employee turnover, high product quality, lower production costs, and more rapid acceptance and implementation of corporate strategy. Essentially, therefore, HRM is about acquisition (using recruitment and selection), use (via training and development), and retention (through motivational processes including pay, review of performance and feedback and grievance procedures) of efficient and effective employees. In an organization with effective human resource management (HRM), employees and customers tend to be more satisfied, the organizations tend to be more innovative, have greater productivity, and develop a more favorable reputation in the community [13].

2. Organizational Performance

The concept of performance covers both what has been achieved and how it has been achieved. Organizational performance can be measured in a number of different ways. The most obvious way to measure what has been achieved, and the approach used in many studies, is by reference to key performance indicators (KPIs), which are usually to do with financial results (Profitability) or productivity. Measuring the how is more difficult. It has to rely extensively on qualitative assessments of organizational capability or effectiveness. Organizational capability is defined as the capacity of a firm to function effectively in order to compete and deliver results while organizational effectiveness on the other hand, is defined as the capacity of an organization to achieve its goals by making effective use of the resources available to it [4].

Organizational performance is concerned with product or service quality, product or service innovation, employee attraction, employee retention, customer satisfaction, management/employee relation [18]. The organizational performance variables of the present study include product quality, customer satisfaction, new product development, ability to attract employees, ability to retain employees, and relationship between management and employees.

3. Nigeria's Oil and Gas Industry

The concept of Nigeria's oil and gas industry is central to a fuller appreciation of the associated dynamics of the industry in terms of its creation and development [19]. The character of Nigeria's oil and gas industry has been subjected to a myriad of debates [20]. A perspective to this ongoing debate is the fact that Nigeria cannot be rightly considered as having a petroleum industry [21]. This argument is based on the premise that Nigeria has not effectively managed certain fundamentals associated with the industry to achieve substantive resource control. This conclusion is further amplified by comparing Nigeria oil and gas industry to other similar jurisdictions on issues of accountability, transparency, and maturity of underlying legal and fiscal frameworks [22].

Crucial to this study is the identification of participants and stakeholders who are actively involved in developing the processes that ultimately define the nature and character of Nigeria's oil and gas industry. The well-established principal-Agency Theory and the Stakeholder Theory [23] recognize the role of multiple factors in the productive ventures. This implies the need for accountability and responsibility, subject to the internal structure and processes of the organization. In Nigeria's oil and gas sector, it may be argued that the stewardship of key actors has not translated to the delivery of reasonable value to a broad range of stakeholders [24; 25]. This view is further advanced on the basis that the oil and gas sector is supposed to produce benefits for multiple stakeholders, such that if it fails in this regard, the very essence of the industry becomes eroded. It is noteworthy that the issue of dominance amongst the various interests has usually over showed the need to strike a fair balance. The divergent interests are exemplified in the dynamics amongst host communities, multinational corporations and the state [25]. This situation reinforces the importance of effective HRM practices and government structures to regulate the internal processes of the organizations involve in downstream petroleum activities. This study argued that the very essence of oil and gas industry in Nigeria (that is maximization of wealth for stakeholders) which is the ultimate goal of a any business organization, can be achieved and sustained by managing people as assets that are fundamental to the competitive advantage of the organization, aligning HRM policies with business politics and corporate strategy, and developing a close fit of HR policies, procedure, and systems with one another [26].

4. Relationship between HRM Practices and Organizational Performance

Armstrong [4] observes that the assumption underpinning the practice of HRM is that people are the organization's key resource and organizational

performance largely depends on them. Therefore, if an appropriate range of HR policies and processes are developed and implemented effectively, then human resource (HR) will make a substantial impact on organization's performance. Guest [5] also argues that the case for an association between HRM and organizational performance is based on two arguments. The first one being that the effective deployment of human resources offers one of the most powerful basis of competitive advantage. The second argument is that effective deployment of human resources depends on the application of a distinctive combination of practices, or the use a consistent set of human resource practices.

Again, according to Collins and Druten [27] cited in Boohene and Asuinura [7. P. 267], "researchers have produced compelling evidence for the causal link between how people are managed and organizational performance. They argued that the effectiveness of HR practices, particularly employee selection procedures, performance appraisals, compensation management, and employee training and development often have a direct bearing on organizational productivity and performance" the major activities that make up the HRM practices are four-folds and they are like components of a system which influence one another to bring about efficiency, quality, innovation, and responsiveness to customers- the four building blocks of an organization's competitive edge. The relationship between HRM practices and organizational performance can be investigated in various ways. First, independent HRM practices, particularly recruitment and selection, training and development, staff performance appraisal, and compensation and their contribution to organizational performance can be investigated. Importantly, synergetic relationship among the HRM practices and their contribution to organizational performance could be examined.

4.1. Recruitment and Selection and Organizational Performance

Recruitment and selection are "critical processes for organizations. In recent years, there have been growing evidence that the formation of a positive psychological contract with employees provides the basis for a positive outcome in terms of organizational commitment and motivation. Recruitment and selection are vital tools in the formation of the expectations that form such a contract" [28]. Recruitment is the process of attracting and engaging the people the organization needs. During this process, efforts are made to inform the applicants fully about the qualifications require performing the job and the career opportunities the organization can offer its employees. Selection on the other hand, is part of the recruitment process concerned with deciding which applicants or candidates should be appointed to jobs [4]. Recruitment and selection in any organization is a serious business of the HR managers. This is because, the success of any organization or efficiency in service delivery depends on the quality of its workforce who was recruited into the organization through recruitment and selection exercises [29].

Armstrong [4] affirms that recruitment and selection process come in four stages: defining requirements, attracting candidates, selecting candidates, and placing them on the job. Boxall and Purcel [30] observe that many organizations

including the well resourced still imagine that recruitment is all about attracting young workers fresh from schools or after only a few years in the labour market. However, recruitment and selection extend to attracting suitable candidates, eliminating unsuitable candidates, and converting the successful candidates to an effective employee. It is important for HR managers to understand the objectives, policies, and practices used for selection. This is because, the aims of this practices are to improve the fit between employees, the organization, teams and work requirements and thus, to create a better work environment [31]. Robbins, Judge and Sanghi [32] observes that an organization's human resource policies and practices represent important forces for shaping employee behaviour and attitudes. Hunter and Schmidt [33] concluded that the employment stability can be achieved through a selection procedure based on ability. Therefore, proper selection practices will determine who is hired and when the best people are selected for the job, organizational productivity and performance increases.

4.2. Training and Development and Organizational Performance

According to Bateman and Snell [14], training involves teaching lower-level employees how to perform their present jobs, while development involves teaching managers and professional employees broader skills needed for their present and future jobs. Nabi [34. P. 57] described training and development as “an educational process which involves the sharpening of skills, concepts, changing of attitude and gaining more knowledge to enhance the performance of employees”. The objectives of training, as identified by Armstrong [4] are to develop the skills and competences of employees to improve their performance; to help people grow within the organization in order for the organization to meet its future human resource needs; to reduce the learning time for employees on appointment, transfer or promotion and ensure that they become fully competent. While the objectives of development is to prepare employees for other positions in the organization and increases their ability to move into jobs that may not yet exist; help employees prepare for changes in their current jobs, such as changes resulting from new technology, work designs or customer's preference. Employee development is a necessary effort of a company to improve quality and to meet the challenges of global competition and social change [35].

Dessler [36] argued that developing human capital through continuing training may increase the productive output from each employee either through improvement in skill level or through improvement in morale and job satisfaction. Huselid [37] adds that providing formal and informal training experiences, such as basic skills training, on-the-job training, coaching, mentoring, and management development can further influence employees' development and hence, their performance. Thang and Buyens [38] notes that training and development leads to superior knowledge, skills, abilities, attitudes, and behaviour of employees that eventually enhance organizational performance.

4.3. Performance Appraisal and Organizational Performance

Performance appraisal is a formal assessment and rating of individual by their managers at or after a review meeting [4]. In a nutshell, performance

appraisal is the assessment of an employee's job performance. If properly done, it can help employees improve their performance, pay, and chances for promotion; foster communication between managers and employees; and increase the employees' and the organization's effectiveness. Done poorly, it actually can have a negative effect such as diminish performance, cause resentment, reduce motivation and even expose the organization to legal action [14]. A formalized and systematic appraisal scheme will enable a regular assessment of the individual's performance, highlight potential and identify training and development needs. Most importantly, an effective appraisal scheme can improve the future performance of staff. The appraisal scheme can also form the basis for a review of financial rewards and planned career progression [39]. As performance appraisal leads to pay increase, promotion, and training; it is assumed that effective performance appraisal can have impact on organizational performance.

4.4. Employee Compensation and Organizational Performance

According to Dessler [15. P. 390], compensation refers to “all types of pay or rewards going to employees and arising from their employment”. Compensation (reward and benefits) management is “concerned with the formulation and implementation of strategies and policies, the purposes of which are to reward people fairly, equitably, and consistently in accordance with their value to the organization and thus help the organization to achieve its strategic goals. It deals with systems (reward processes, practices, and procedures) that aim to meet the needs of both the organization and its stakeholders” [4. P. 736]. He further “posits that the philosophy of reward management recognizes that if HRM is about investing in human capital from which a reasonable return is required, then it is proper to compensate people differently according to their contribution (i.e., the return on investment they generate). Additionally, the philosophy of compensation management recognizes that it must be strategic in the sense that it addresses longer-term issues relating to how people should be valued for what they do and what they achieve. The “reward strategies and the processes that are required to implement them have to flow from the business strategy” [4. P. 737]. It is pertinent to say that, employee compensation will be affected by the business and the human resource strategies of the organization, the significance attached to reward/compensation matters by top management and the internal and external environment of the organization. Aswathappa [40] states that compensation is very important for employees because it is one of the reasons for which people work; Employees' living status in the society, satisfaction, loyalty, and productivity are also influenced by the level of compensation. Employee compensation, particularly the performance base compensation system, always resulted in better organizational performance.

5. How HRM Practices make an Impact

How Human resource management practices make an impact on organizational performance is summarized in the table below:

Table 1

HR Practices that Impact on Organization Performance

HR Practice are	How it Impacts
Attract, develop and retain high quality people	Match people to the strategic and operational needs of the organization. Provide for the acquisition, development and retention of talented employees, who can deliver superior performance, productivity, flexibility, innovation, and high levels of personal customer service and who 'fit' into the culture and the strategic requirements of the organization.
Talent management	Ensure that the talented and well motivated people required by the organization to meet present and future needs are available.
Job and work design	Provides individuals with stimulating and interesting work and gives them the autonomy and flexibility to perform these jobs well. Enhance job satisfaction and flexibility which encourages greater performance and productivity.
Learning and development	Enlarge the skill base and develop the levels of competence required in the workforce. Encourage discretionary learning which happens when individuals actively seek to acquire the knowledge and skills that promote the organization's objectives. Develop a climate of learning- a growth medium in which self-managed learning as well as coaching, mentoring, and training flourish.
Managing knowledge and intellectual capital	Focus on organizational as well as individual learning and provide learning opportunities and opportunities to share knowledge in a systematic way. Ensure that vital stocks of knowledge are retained and improve the flow of knowledge, information, and learning within the organization.
Increasing engagement, commitment and motivation	Encourage productive discretionary effort by ensuring that people are positive and interested in their jobs, that they are proud to work for the organization and want to go on working there and that they take action to achieve organizational and individual goals.
Psychological contract	Develop a positive and balanced psychological contract which provides for a continuing, harmonious relationship between the employee and the organization.
High performance management	Develop a performance culture which encourages high performance in such areas as productivity, quality, levels of customer service, growth, profit, and ultimately, the delivery of increased shareholder value. Empower employees to exhibit the discretionary behaviours most closely associated with higher business performance such as risk taking, innovation and knowledge sharing, and establishing trust between managers and their team members.
Reward management	Develops motivation and job engagement by valuing people in accordance with their contribution.
Employee relations	Develops involvement practices and an employee relations climate which encourages commitment and cooperation.
Working environment core values, leadership, work/life balance, managing diversity, secure employment	Develop 'the big idea' (Purcell et al., 2003), i.e., a clear vision and a set of integrated values. Make the organization 'a great place to work.

Source: [4. P. 144–145]. *The HR practices that impact on performance.*

6. Research on the Link between HRM Practices and Organizational Performance

Though most of the studies have been conducted in the western world, it is well established that HRM practices have significant impact on productivity, corporate financial performance, and employee turnover [37; 41; 5; 42; 7] to mention but a few. Singh [10] in a study on 82 Indian firms observed that HR practices such as training and compensation had significant impact on perceived organizational performance. Tessemer and Soeers [43] examined how, when and to what extent HR practices could enhance individual and civil service organization of Eritrea, Africa's youngest and poorest country. They reported that successful implementation of HR practices could enhance individual and civil service organization of Eritrea, but the economic and political environment within which HR practices operate are not conducive. Their study tried to shed some light on the HRM-performance debate within the context of a developing country. Also, Katou and Budhwar [44] through an indepth study on 178 manufacturing firms of Greece found that HR practices such as recruitment, training, promotion, incentives, benefits, involvement, and safety and health were positively related with the elements of organizational performance such as innovation and satisfaction of stakeholders.

Okpara and Pamela [45] examined the extent to which organizations in Nigeria used various HRM practices and perceived challenges and prospects of these practices. Their study reveals the HRM practices, such as training, recruitments, compensation, performance appraisal and reward systems are still in place and that issues of tribalism, training and development, and corruption are some of the challenges facing HRM practice in Nigeria.

Two studies Billahet and Islam [46]. Billah [47], in the context of Bangladesh found that HR practices have significant association with employee turnover and organizational commitment. Through an in-depth study on 85 manufacturing firm in Bangladesh found that HR practices such as recruitment and selection, training and development, performance appraisal, compensation have significant impact on organization performance. Khan [48] examined the effects of HR practices on organization performance in oil and gas industry of Pakistan. His study reveals that HR practices such as recruitment and selection, training and development, performance appraisal, compensation and reward, and employee relations were positively and significantly associated with performance optimizations. Boohene and Asuinura [7] investigated the effect of HRM practices on corporate performance. 460 head office employees of graphic communications group limited were sampled. Their study found that HRM practices such as effective recruitment and selection, effective performance appraisal, effective reward and benefits management, and training and development were positively and significantly related to organizational performance in GCGI. Mutualet reported that HRM practices impact positively on performance of financial corporative based in Nairobi country, Kenya. Ezejiolor [12] through an indepth study on 44 staff of coca cola bottling company in Akwa, Nigeria found that

HRM practices have a significant effect on the performance of business organization. Singh and Kassa [13] study on 169 employees from Debre Brehan University, Ethiopia found that HRM practices such as recruitment and selection, training and development, performance appraisal, and compensation have a significant relationship with university performance.

In line with the literature review, the following objectives and null hypotheses were formulated for the study.

7. Objectives of the Study:

- i. To examine the impact of effective recruitment and selection practices on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.
- ii. To examine the impact of training and development on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.
- iii. To examine the effect of effective performance appraisal on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.
- iv. To examine the impact of effective compensation (rewards and benefits) management on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.

8. Hypotheses of the Study

The null hypotheses were formulated for the study:

H₁: Effective recruitment and selection practices do not have a positive impact on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.

H₂: Training and development does not have a positive effective on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.

H₃: Effective performance appraisal does not a positive impact on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.

H₄: Effective compensation (rewards and benefits) management does not have a positive effect on organizational performance in oil and gas industry in Nigeria.

9. Methodology

The study examined the impact of human resource management practices on organizational performance, relative to oil and gas industry in Nigeria. The descriptive approach was adopted. To achieve a practical analysis of the issues captured in this study, the population was delimited to the managerial and non-managerial cadre of four oil and gas companies operating, in Nigeria's downstream petroleum sector and the sample of this study was 94 employees drawn from the selected companies. The companies selected because of their established corporate management and employee profile, notable downstream presence and significant market share. The selected companies jointly controlled a significant market share of over 41% between 2016 and 2017. Research survey method through the use of structured questionnaire designed to elicit needed information from the respondents was adopted.

Reliability and Validity Variables

For testing the consistency among multiple measurements, cronbach's alpha coefficient was calculated. For this study, we used cronbach's alpha scale as a measure of reliability as shown in table below.

Table 2

Reliability Statistics of Variables

Scale	Number of items	Cronbach's Alpha
Recruitment and selection	9	.878
Training and development	6	.824
performance appraisal	8	.913
compensation	7	.799
organizational performance	23	.880

Source: Survey data.

The Cronbach's alpha co-efficiency for the research instruments was considered to be good and reliable. Experts also judged the face and content validity of the questionnaire as adequate. Hence, researchers satisfied reliability and validity of the scale. Data collected were analyzed using Pearson product moment correlation and t-test analysis.

10. Data analysis and discussion of findings

The table 3 shows that the highest correlation is found between organizational performance and recruitment and selection at correlation value of 0.381 and followed by training and development, performance appraisal and compensation at correlations of 0.263, 0.208 and 0.187 respectively. The correlation coefficient matrix table above shows that there is a significant relationship between the HRM practices and organizational performance.

Table 3

Correlation Coefficient Matrix

		Organizational performance
Recruitment and selection	Pearson correlation	.381**
	Sig. (2-tailed)	.000
	N	94
Training and Development	Pearson correlation	.263**
	Sig. (2-tailed)	.000
	N	94
Performance appraisal	Pearson Correlation	.208**
	Sig. (2-tailed)	.000
	N	94
Compensation	Pearson correlation	.187**
	Sig. (2-tailed)	.000
	N	94

***Correlation is significant at the 0.01 levels (2-tailed).*

Table 4

T-Test Results

Human resource management practices and organizational performance	Mean	Standard deviation	Standard error of mean	t-value	p-value (two tailed)
Recruitment and selection and organizational performance	5.250	6.625	0.643	8.161	0.000
Training and development and organizational performance	4.624	5.548	0.587	7.879	0.000
Performance appraisal and organizational performance	3.320	4.453	0.489	6.790	0.031
Compensation and organizational performance	-0.718	6.318	0.673	1.067	0.624

Source: Researchers' fieldwork, 2018.

The first hypothesis tested the effect of recruitment and selection practices on organizational performance. The t-test gives a positive figure of 5.250. In addition, the probability value (p-value) of the relationship between recruitment and selection and organizational performance is 0.000. This value is substantially smaller than the specified alpha value of 0.05. Thus, this positive significant relationship means that oil and gas industry in Nigeria should always ensure that the best candidate is recruited whenever vacancies arise, thus minimizing employee ineffectiveness and its associated costs. Also, the test of the hypothesis confirms that effective recruitment and selection practices have a positive effect on the performance of oil and gas industry in Nigeria. Therefore, the null hypothesis is rejected [49].

The second hypothesis tested the effect of training and development practices on organizational performance. The t-test gives positive figure of 4.624 and the probability value (p-value) of the relationship between training and development and organizational performance is 0.000. This value is lower than the level of significance. Thus, this positive relationship means that organization should always ensure that the workers go through training and development programmes; they are motivated to apply what they have learnt, and promotions may also be based on long service and on output. Also, the test shows that effective training and development practices have a positive impact on organization's performance. Therefore, the null hypothesis is rejected [49].

In testing the effect of performance appraisal practices on organizational performance, the t-test yields 3.320 and the probability value (p-value) of the relationship between performance appraisal and organizational performance is 0.031. Because the t-test is positive and the p-value is 0.031, lower than the level of significance, it shows that effective performance appraisal practices have a positive effect on organization's performance. The results may be that employees of oil and gas industry in Nigeria are satisfied with the performance appraisal system and therefore will always strive to bring out the best in terms of their contribution to financial performance [49].

The fourth hypothesis examined the impact of compensation management on organization's performance. The t-test yields a result of -0.718 and a p-value of 0.624 which is greater than the alpha value of 0.05. This suggests that it cannot be concluded that effective compensation management has a positive effect on organization's performance. In effect, the research did not observe evidence to support the hypothesis that effective compensation (rewards and benefits) management practices have a positive effect on oil and gas industry's performance. As the review of the literature showed, research has established that although the value of a company's human resource assets may not show up directly on its balance sheet, it nevertheless, has tremendous impact on an organization's performance. This finding attests to the view expressed by Stupet [50] that the relationships between company level performance and human resource management are complex and not always positive. It, however, shows that in both public and private sector organizations, compensation and other

benefits are usually not commensurate with output. It is difficult if not impossible to equate rewards and benefits (compensation) to output [7].

Policy recommendations

Based on the findings of this study, it is recommended that:

i. The management of oil and gas industry should continue to ensure that the human resource policy, which is a result of the organization strategy to use human resource, among others, to achieve outstanding performance every year, is supported. In addition, copies of the HR policy should be made available to all employees to ensure widespread dissemination and application of the policies.

ii. Management should continue to ensure that the recruitment and selection process is and seen to be fair. Management need to have an effective recruitment and selection policy to promote scientific selection of prospective employees. Candidates need to be selected based on requisite knowledge, skills, ability, and qualification using appropriate selection techniques since effective recruitment and selection practices will ensure positive financial returns for the companies, either through ensuring effectiveness on the part of employees, or minimization of costs associated with recruitment and selection, training and retraining of employees.

iii. Management must also ensure that training and management development programmes are implemented to enhance the capabilities of employees. Training and development programmes must therefore be strategically planned.

iv. Performance appraisal should be guided by the performance management policy. Performance related compensation is critical in enhancing performance. Hence, management must ensure that there is a fair balance between financial and non-financial rewards when designing, reviewing and implementing a compensation (rewards and benefits) strategy.

v. Finally, the study focused on oil and gas industry and selected human resource management practices. The research did not gather enough evidence to conclude on the impact of composition management practices on organizational performance. Further studies may be conducted in service sector organizations in Nigeria with larger sample size. Case study, focus groups, and longitudinal studies may also be undertaken.

Conclusion

The objective of the study was achieved as it found that human resource management (HRM) practices had significant effects on organizations of oil and gas industry. It has been found that oil and gas industry performance can be attributed to effective HRM practices. Nigeria's oil and gas industry financial performance could be explained by its effective recruitment and selection practices, effective training and development, and performance appraisal practices. As the review of the literature revealed, research has established that

although the value of a company's human resource assets may not show up directly on its balance sheet, it nevertheless, has tremendous impact on an organization's performance. However, there was insufficient evidence to show that oil and gas industry's remuneration practices contribute positively towards its organization's performance as perceived by the respondents.

REFERENCES

- [1] Becker B.E., Huselid M.A. High Performance Work Systems and Firm Performance: A Synthesis of Research and Managerial Implications. *Personnel Human Resource Management*. 1998; 16: 53–101.
- [2] Katou A.A. Measuring the Impact of HRM on Organizational Performance. *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2008; 1 (2): 119–142.
- [3] Guest D.E. Human Resource Management: when Research Confronts Theory. *International Journal of Human Resource Management*. 2001; 12: 1092–1106.
- [4] Armstrong M. *Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice*. London: Kogan page; 2014. 406 p.
- [5] Guest D.E., Michie J. Conway, N., and Sheenan, M., Human Resource Management and Corporate Performance in the UK. *British Journal of Industrial Relations*. 2003; 41 (2): 291–314.
- [6] Bohlander G., Snell S. *Managing Human Resources*. United States: South-Western Publishers; 2007. 783 p.
- [7] Boohene R., Asuinura E.L. The Effect of Human Resource Management Practices on Corporate Performance: A Study of Graphic Communications Group Limited. *International Business Research*. 2011; 4 (1): 266–272.
- [8] Okoh A.O. *Personnel and Human Resource Management in Nigeria*. Lagos: Amfitop Books; 2005. 370 p.
- [9] Guest D.E. Human Resource Management and Performance: A Review and Research Agenda. *International Journal of Human Resource Management*. 1997; 8: 263–276.
- [10] Singh K. Impact of HR Practices on Perceived Firm Performance in India. *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 2004; 4293:301–317.
- [11] Trehan S., Setia K. Human Resource Management Practices and Organization Performance: An Indian perspective. *Global Journal of Finance and Management*. 2014; 6 (8): 789–796.
- [12] Ezejiofor R.A., Nwakoby N.P., Okoye J.F.N. Appraisal for Human Resource Management in a Performance of Nigerian Business Organizations. *International Journal of Advanced Research*. 2015; 3 (10): 922–928.
- [13] Singh N.R., Kassa B. The Impact of Human Resource Management Practice on Organizational Performance: A Study on Debre Brehan University. *International Journal of Recent Advances in Organizational Behaviour and Decision Sciences*. 2016; 1 (1): 643–662.
- [14] Bateman T.S., Snell S.A. *Management: Leading & Collaborating in a Competitive World*. United States: McGraw-Hill; 2011. 744 p.
- [15] Dessler G. *Human Resource Management*. New Delhi: Prentice hall; 2008. 720 p.
- [16] Fajana S. *Human Resource Management: An Introduction*. Lagos: Labofi Ltd.; 2002: 539–550
- [17] Jones G.R., George J.M., Hill C.W.L. *Contemporary Management*. New York: McGraw- Hill; 2000. 636 p.
- [18] Delaney J.T., Huselid M.A. The Impact of Human Resource Management Practices on Perceptions of Organizational Performance. *The Academy of Management Journal*. 1996; 39 (4): 949–969.

- [19] Ite A.E., Ibok U.J., Ite M.U., Petters S.W. Petroleum Exploration and Production: Past and Present Environment Issues in Nigeria's Niger Delta. *American Journal of Environmental Protection*. 2013; 1 (4): 78–90.
- [20] Tamuno S., Felix J.M., Crude Oil Resource: A Blessing or Curse to Nigeria: A Case of the Niger Delta. *JORING*. 2006; 4 (2): 53–58.
- [21] Soremekun K. Nigeria Oil and the Yamani Syndrome. *Public Lecturer Series*. 2013; 2 (2): 5–42
- [22] Sani S., Hamidu A.S. Productin Sharing or Joint Venturing: What is the Optimum Petroleum Sharing Contractual Arrangement for the Exploitation of Nigerian Oil and Gas? *Journal of Business and Management Sciences*. 2014; 2 (2): 34–44.
- [23] Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Theory. *Journal of Management Studies*. 1984; 39 (1): 1–21.
- [24] Ugbomen B.A., Atubi A.O. The Role of the Oil Industry and the Nigerian States in Defining the Future of the Niger Delta Region of Nigeria. *African Research Review*. 2010; 4 (2): 103–112.
- [25] Ejiofor A. *Poor Corporate Governance Retards Growth of Nigeria's Oil Industry*. 2014. URL: <http://allafrica.com.stories/201412/60632.html>. Accessed: 10.12.2019
- [26] Caldwell R. Rhetoric, Facts and Self-fulfilling Prophecies: Exploring Practitioners' Perceptions of Progress in Implementing HRM. *Industrial Relations Journal*. 2004; 35 (3): 196–215.
- [27] Collins A., Druten K.V. *Human Resources Management Practices*. 2003. URL: <http://www.edu.au/agsm/web.agms.nsf/attachmentsby2003/&file/c>. Accessed: 10.12.2019.
- [28] Anyim F.C., Ekwoaba J.O., Ideh D.A. The Role of Human Resource Planning in Recruitment and Selection Process. *British Journal of Humanities and Social Sciences*. 2012; 6 (2): 68–78.
- [29] Ezeali B.O., Esiagu N.L. *Public Personnel Management*. Onitsha: Book Point Ltd.; 2010. 368 p.
- [30] Boxall P., Purcell J. *Strategy and Human Resource Management*. New York: Palgrave Macmillan; 2003. 299 p.
- [31] Tzafirir S.S. A Universalistic Perspective for Explaining the Relationship Between HRM Practices and Firm Performance at Different Points in Time. *Journal of Management Psychology*. 2006; 21 (2): 109–130.
- [32] Robbins S.P., Judge T.A., Sanghi S. *Organizational Behavior*. India: Dorling Kindersley Ltd; 2010. 365 p.
- [33] Hunter E.J., Schonidt L.F. Ability Tests: Economic Benefits Versus the Issue of Fairness. *Industrial Relations*. 1982; 21 (3): 293–309.
- [34] Nabi M.N., Ahmed A.A. T., Rahman M.S. The Empirical Study on Human Resource Management Practices with Special Reference to Job Satisfaction and Employee Turnover at Investment Corporation of Bangladesh. *Human Resource Management Research*. 2017; 7 (1): 54–64.
- [35] Noe R.A., Hollenbeck J.R., Gerhart B., Wright P.M. *Human Resource Management: Gaining a Competitive Advantage*. USA: McGraw-Hill; 2004. 758 p.
- [36] Dessler G. *Human Resource Management*. New Jersey: Prentice hall; 2003. 558 p.
- [37] Huselid M.A. The Impact of Human Resource Management Practices on Turnover, Productivity, and Corporate Financial Performance. *The Academy of Management Journal*. 1995; 38 (3): 635–672.
- [38] Thang N.N., Buyens D. What We Know about Relationship Between Training and Firm Performance: A Review of Literature. *Vlerick Leuven Gent Working Paper Series*. 2009; 1: 1–34
- [39] Campbell O.A., Adebayo T.F. *Staff Performance Evaluation in Nigerian Universities*. Ibadan: College Press; 2007. 467 p.

- [40] Aswathappa K. *Human Resource Management: Text and Cases*. Delhi: McGraw-Hill; 2008. 1427 p.
- [41] Thompson J.L. *Strategic Management*. London: Thompson Learning; 2002. 572 p.
- [42] Lopez S.P., Peon J.M., Ordas C.J. Human Resource Practices on Organizational Learning and Business Performance. *Human Resource Development International*. 2005; 8 (2): 147–164.
- [43] Tessemer T.M., Soeters J.L. Challenges and Prospects of HRM in Developing Countries: Testing the HRM-Performance Link in Eritrea Civil Service. *International Journal of Human Resource Management*. 2006; 17 (1): 86–105.
- [44] Katou A.A., Budwar P.S. The Effects of Human Resource Management Politics on Organizational Performance in Greek Manufacturing Firms. *Thunderbird International Business Review*. 2007; 49 (1): 1–35.
- [45] Okpara J.O., Pamela W. HRM Practices in a Transition Economy: Challenges and Prospects. *Management Research News*. 2008; 31 (1): 57–76.
- [46] Billah M.M., Islam S. Human Resource Management Practices and Organizational Commitment. *Southeast University Journal of Business Studies*. 2009; 1: 153–166.
- [47] Billah M.M., Prince S.A., Islam S., Human Resource Management Practices and Employee Turnover: A Study on Private Commercial Banks in Bangladesh. *Journal of Business and Technology*. 2009; 1: 63–82.
- [48] Khan M.A. Effects of Human Resource Management Practices on Organizational Performance: An Empirical Study of Oil and Gas Industry in Pakistan. *European Journal of Economics, Finance and Administrative Science*. 2010; 24: 157–175.
- [49] Osemeke M. The Impact of Human Resources Management Practices on Organizational Performance: A Study of Guinness Nigeria Plc. *AFRREV IJAH. An International Journal of Arts and Humanities*. 2012; 1 (1): 79–94.
- [50] Stup R.E., Hyde J., Holden L.A. *Relationships between Selected Human Resource Management Practices and Dairy Farm Performance*. 2005. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/6507709>. Accessed: 11.12.2019.

Научная статья

Практика управления человеческими ресурсами и эффективность деятельности организации: эмпирическое исследование нефтегазовой отрасли в Нигерии

М.М. Адагбабири

Кафедра политических наук Государственного университета Дельта
Р.М.В.1, Абрака, Нигерия

У.Ч. Околе

Кафедра политических наук Государственного университета Дельта
Р.М.В.1, Абрака, Нигерия

Чартерный институт управления персоналом в Нигерии
Чинм Ав. 1, Икея, Нигерия, 100001

Государственный учебный центр Эдо
Огогубо 1, Бенин-Сити, Нигерия

Аннотация. Влияние практики управления человеческими ресурсами (HRM) на эффективность деятельности организации в последние два десятилетия являлось предметом научного дискурса в социальных науках. Однако авторы отмечают, что очень мало исследований в этой области было проведено в Нигерии и других развивающихся странах. Данное исследование было предпринято с целью заполнения этой очевидной исследовательской лакуны. Работа основана на применении описательного метода и данных, собранных с помощью опроса 164 респондентов в нефтегазовой промышленности Нигерии. Собранные данные были проанализированы с использованием метода корреляции Пирсона и t-теста. Исследование показало, что существует значительная связь между методами управления персоналом и эффективностью деятельности организации. Как и предполагалось, исследование показало, что практика управления персоналом оказывает положительное и статистически значимое влияние на эффективность организации. Необходимые выводы и рекомендации были предоставлены в свете теоретических и эмпирических выводов. С помощью этого исследования мы надеемся внести вклад в лучшее понимание роли практики управления человеческими ресурсами в создании и поддержании эффективности организации, особенно в нигерийском контексте.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, эффективность деятельности организации, лучшие практики, взаимосвязь, Нигерия

Информация об авторах:

Мозес М. Адагбабири – доктор философии, доцент кафедры политических наук, государственный университет Дельта, Нигерия (ORCID ID: 0000-0002-0569-9047 (e-mail: adagbabiri@gmail.com)).

Уго Чукс Околе – аспирант кафедры политических наук, Государственный университет Дельта, Нигерия; Чартерный институт управления персоналом в Нигерии; Государственный учебный центр Эдо, Нигерия (ORCID ID: 0000-0002-0448-2938) (e-mail: ugookolie3@gmail.com).

Information about the authors:

Moses M. Adagbabiri – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Political Sciences, Delta State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-0569-9047) (e-mail: adagbabiri@gmail.com).

Ugo Chuks Okolie – PhD Student of the Department of Political Sciences, Delta State University; Chartered Institute of Personnel Management of Nigeria; Edo State Study Centre (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-0448-2938) (e-mail: ugookolie3@gmail.com).

Для цитирования:

Adagbabiri M.M., Okolie U.C. Human Resource Management Practices and Organizational Performance: An Empirical Study of Oil and Gas Industry in Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 53–69. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-53-69

For citation:

Adagbabiri M. M., Okolie U.C. Human Resource Management Practices and Organizational Performance: An Empirical Study of Oil and Gas Industry in Nigeria. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (1): 53–69. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-53-69

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-70-82

Research article

Holding Together, Coming Together or Putting Together? A [Re]examination on the Formation of Ethiopia’s Federation

K.T. Muluye

University of Gondar
P.O. Box 196, Gondar, Ethiopia

Abstract. Federations are institutional and structural arrangements with the tenets of shared rule and self-rule. These federations may be formed through coming together, holding together or putting together processes. Both holding together and coming together federations are established through democratic bargain while putting together federation is imposed coercively by the winners. Hence, this article aims to situate Ethiopia in to one of these three variants through critical [re]examination of the transitional activities. The data were collected through interviews and document analysis. A qualitative analysis was employed to analyze the data. Accordingly, the paper argues that Ethiopia is a putting together federation because of the major flaws committed during the transition. Particularly, the absence of an organization that could represent Amhara during the Peace Conference, exclusion of the major political organizations from the conference and the aftermath processes as well as the inhuman and extrajudicial treatments against those who were explaining their discontent in the restructuring processes are some of the justification to level Ethiopia’s federation as putting together. Moreover, the electoral frauds that forced the major political parties to boycott the elections (the 1992 and 1994 elections) and the manipulation of the drafting and ratification processes of the constitution by TPLF/EPRDF can justify this position. Hence, it is recommended to restructure the federation through democratic bargaining for the putting nature of the federation is facing a legitimacy crisis due to the different questions rooted in the formation processes.

Keywords: putting together federation, holding together Federation, Ethnic federalism, Ethiopia’s federalism

Introduction

Federalism, as a “programmatically orientation”, advances a “multi-tiered government, which combines elements of shared-rule through common institutions for some purposes and regional self-rule for constituent units for some

© Muluye K.T., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

other purposes” [1]. Federations are actual system of governments or polities in which decision-making power is divided between central and regional governments [2]. Since Riker’s original work, the formation of federations has been in the centre of intellectual debate. Federations are seen as democracies that are created either through the integration of independent states or the devolution of power to sub-national units [3]. However, Alfred Stepan [4] who saw limitations in such classification identified three types of federations: coming together, holding together and putting together federations. Coming together federation are formed by the voluntary agreement of formerly individual polities characterized by a sense of sovereignty and identity [4]. Holding together federations are formed when a deal is conducted and an agreement is reached in a unitary state [4] such as Ethiopia, which is constituted by multiple ethnicities or other forms of cultural groups [5]. These federations are established through democratic dialogue to curtail separatist tendencies in a unitary state [6]. Putting together federations are formed through “devolution of power” like holding together federations [7]. However, these federations are established through coercive procedures without democratic bargaining among the concerned actors [4]. Given these theoretical lenses, the aim of this paper is to examine and situate Ethiopia’s federation in to one of these variants.

Ethiopia, which had been a unitary state for long, was restructured as ethnic federal state in 1991 by “accommodating ethnicity as a formal political element” [8]. Ethnic federalism was preferred to address the ‘perceived’ grievances of different ethnic groups who were rallying behind the “nationalities question” [7]. Despite consensus on the reasons for the origin of Ethiopia’s federation, it is controversial to situate it in to one of the three variants of Stepan. Authors such as Andreas Eshete [9] argue that Ethiopia’s ethnic federalism came into effect following the revolutionary overthrow of the long stayed unitary state. For him, Ethiopia is reconstructed as a ‘a new’ political community through the coming together of the country’s ethnic groups who had the opportunity to decide over themselves [9]. On the other edge, Assefa Fisseha [1] contends that Ethiopia’s federal formation best resembles Stepan’s holding together for it was formed through the bargaining of the major contenders of power and the then existing contending views. It seems that Assefa’s [1] holding together is relatively accepted than Andreas’s [9] coming together as the former is taught, as part of a ‘universal’ knowledge claim, by using civic and ethical education common course given for all freshman university students. However, all of these arguments are shorted from providing well illustrated justification to support their positions and hence the main purpose of this paper is to provide a detail re-examination of the transitional period (1991-995) and to situate Ethiopia’s federation in to one of the three variants. Accordingly, the paper aims to:

- ✓ examine the major transitional activities *vis-à-vis* the principles of democratic bargaining;
- ✓ situate Ethiopia’s federation in to one of the three Alfred Stepan’s variants;
- ✓ Examine the implication of this federal formation to the legitimacy of the federation.

Theoretical Arguments on the Formation of Federations

Federations are created through different manners and for different objectives. These ‘why’ and ‘how’ questions in the formations of federations are, thus, bases of intellectual debate in the study of federations though much attention is given to the ‘why’ questions [3]. William Riker, who is one of the influential contributors to the intellectual debate, argues that federations are formed for military or security purposes [2]. However, the economic factors were also acknowledged and included to be one of the motives for the formations of federations [3]. In addition to the cause, the manner how federations are formed is the issue of concern in the intellectual debate. Based on his analysis of older federations such as the USA, Riker argued that federations are formed through political bargains conducted among political elites of independent states [7]. In this case, federations are resulted from a bargaining undertaken between two or more independent political entities. These federations are named as coming together federations by Stepan [4]. Coming together federations are formed when individual polities characterized by a sense of sovereignty and identity join other similar polities for certain mutual gains [4]. They are formed by an agreement among leaders at the centre and representatives of constituent units to aggregate territory the territory and economy. In this case, the actors will agree to aggregate their resources and surrender some of their rights while maintaining autonomy on some other issues [4]. In these types of federations, constitutions, which are the covenant among the actors, are resulted from “a series of bargains, agreements and compromises emanating from the interaction of political elites” [3].

However, Riker’s theoretical view on the formations of federations is criticized as it lacks the ability to explain emerging federations in Asia and Africa. Authors, who reviewed Riker’s propositions with reference to developments in Nigeria, India, Malaysia and other states, expanded conditions for the origin of federations by including the desire to deter internal threats. In this sense, federations are sought to be institutional arrangements to deter internal threats, such as secession and disintegration, by devolving power from a formerly unitary state to the different ethno-cultural units [6]. In this sense, federations are seen as institutional arrangements established to reduce the risk of secession. Based on his analysis of multi-ethnic federations in Asia, Breen [10] argues that “in each case, nation-building has been based on the dominant group’s identity, to the exclusion of smaller ethnic groups and hence federalism comes to be preferred means of accommodation and to overcome the legacies of historical discrimination and exclusion.” Such federations are formed through the devolution of power from the centre to the constituent units for the purpose of balancing the interest of centrifugal and centripetal forces unlike Rikerian federations, which are formed through the union of independent states. Hence, unlike, the coming together federation, which is formed through the integration of independent units, holding together federations are formed through devolution of power for managing centrifugal tendencies. Despite Breen [10] calls all such federations as holding together by taking devolution of power as a mere criterion, Stepan [4] adds democratic bargaining to make distinction between holding together and putting

together federation. Hence, holding together federations are democratic federations that are formed when a deal is conducted and an agreement is reached in a unitary state, which is constituted by multiple ethnicities or other forms of cultural groups, to preserve the national state [4]. In this process, the different political forces will actively engage and reach at a *consensus* on the main foundations of the federation. This type of federation is established to “maintain a unity of states by establishing a multi-ethnic federal system largely to avoid or settle ethnic, regional and other type of group conflict” [6].

Both the coming together and holding together federations have a common feature of democratic bargaining and they are genuine federations. For some, federations that are not instituted based on the principles of democratic bargaining are ‘not’ even federations. For instance, for Burges [3], “federations are voluntary unions based firmly upon *liberal democratic notions* of constitutional government...” and hence “coercive unions such as the old Soviet Union, Argentina, Brazil and Nigeria shall be rule out from the list of federations when they suffered intermittent periods of military government”. As such, principles of democratic bargaining such as equality, inclusiveness, consensus, and representations are crucial ideals in the establishment of holding together and coming together federations [4].

However, the equation of federations with democracy is not found to be satisfactory to explain federations, which have undemocratic features. Freeman cited in Burges [3] states that “federal governments can be democratic or undemocratic. Similarly, Aalen [4] points that “it is important to acknowledge that federal projects might take a variety of forms which cannot be simply equated with late modern democracies.” Accordingly, Stepan [4], who aspires to deconstruct the notion that equates federations with democracies, identify a third variant: putting together federation. Despite putting together federations are established through devolution of power like holding together federations [7], they are established through coercive efforts unlike holding together federations, which are formed through democratic bargaining [4]. Putting together federations, “like the former Soviet Union, are established through a heavily coercive effort by a non-democratic centralizing power to put together different ethnic groups within a multinational state” [4]. In this type of federation, principles such as equality, inclusiveness, genuine representations, consensus, and impartiality that are detrimental in holding and coming together federations [3] cannot be given a due attention. Instead such federations are established through forceful efforts. Taylor [2], who also studied the Russian federation, wrote as “the critical role of force in the federal bargain was evident in the very manner in which the 1993 constitution of Russia was adopted”. For this author, Russian federation and the constitution are imposed by President Yeltsin through coercive measures without consented deliberations with its oppositions in the parliament [2]. “Control over the army, police, and secret police was fundamental to Yeltsin's victory...and the constitutional framework for Russian federalism was largely imposed by Yeltsin” [2]. This type of federation is a federation where the winning/dominant group/s decides the formation of the federation, the contents of the federal pact, the criteria for internal boundary demarcations and all other issues. The

implementations are also handled through coercive procedures [4]. Given this theoretical benchmark, this paper aims to examine the processes of the federal formation in Ethiopia and situate it in to one of the three variants.

Methods and Materials

This paper seeks to examine the process through which Ethiopia's federation was created. For this purpose, a qualitative research method was employed. It is interpretative approach concerned with understanding of the meaning of words that people attach to phenomena [11]. Thus, this approach is used to explore the experiences that were faced by the different actors of the transition mainly by using secondary sources such as reports of international organizations, research reports published by reputable research journals, media archives where the interviews of eminent figures such as Lencho Leta (who was the actor through his party, OLF) are achieved. Moreover, interviews were used to collect data. Individuals (mainly leaders of political parties both from the opposition and the incumbent) were consulted to collect a primary data. From leaders of the incumbent parties, one official from the federal House of Federation, two officials from Amhara Democratic Party (ADP, former Amhara National Democratic Movement (ANDM)), two officials from ODP (Oromo Democratic Party (ODP; former OPDO) and one Veteran from Tigrean People Liberation Front (TPLF) were chosen. Among the opposition political parties, two from National Movement of Amhara (NaMA), two former officials of All Amhara People's Organization (AAPO), one from Ethiopian People Revolutionary Party (EPRP) and two officials from Ethiopian Federal Democratic Unity Forum-aka-*Medrek* were chosen. The interview participants were chosen purposively based on their familiarity to the issue. The interviews were conducted from January-February 2019 and each interview consumed an average of an hour. In relation to research ethics, consent is obtained from each interviewee. Moreover, their names are kept anonymous in the analysis to protect their security. Finally, the data collected through the interviews and document analysis were analyzed through a qualitative thematic analysis.

The formation of Ethiopia's Federation

Ethiopia is one of the ancient countries with a long history of independent statehood. The modern Ethiopian state emerged at the second half of the 19th century with the ascension of Tewodros II in 1855 to the throne [1]. From this time onwards, the successive Ethiopian leaders were eager to create a unified Ethiopia. Hence, the state and nation building processes were undertaken together by the successive regimes. Minelick II successfully undertook a series of military conquests and peaceful submission strategies to unify the state [1]. Indeed, his legacy is the emergence of Ethiopia with its present geographic shape and ethnic makeup [12]. The successive rulers were attempting to consolidate the nation building process through an assimilation policy, where Amharic language and Amharan culture was considered to be mainstream/national identity [13].

However, this process was criticized for it rejects the multiethnic nature of the state [14]. As a result, “Ethiopian students started to use Stalinist theory of nationalities to narrate problems of ethnic relations in Ethiopia” [7]. Since the beginning of the 1960s, the imperial government began to face opposition from increasingly radicalized students who rallied behind land to the tiller, and the nationalities’ question, copied from Stalin of Russia [7]. Along with this, different organizations were created to liberate their respective ethnic groups from “Abyssinian colonialism” [13] or suppression [1]. Ethno-nationalist groups such as the Oromo Liberation Front (OLF) claim that Abyssinia (the historic core of Ethiopian polity) colonized roughly half the territories and peoples and their struggle is to end this colonial empire-state [15]. Similarly, TPLF was claiming that all the miseries that were faced by Tigray people are due to the deliberate actions of the Amharan rule [16]. Hence, there struggle was to end Amhara domination [1] or liberation from “Abyssinian colonialism” [14]. With such political narrations, the ethnic nationalist forces keep being established and continued their struggle against the Dergue regime. Despite there were many organizations, the dominant were Eritrean People Liberation Front (EPLF), TPLF and OLF [17]. These forces along others such as All Ethiopian Socialist Movement (AESM), EPRP and Ethiopian Democratic Union (EDU) undertook a struggle against the Dergue regime and Dergue was removed from power in 1991 [7]. Following the overthrow of the Dergue regime, the winners, led by TPLF/EPRDF, restructured the country as a federal state “to meet the presumed ethno-regional grievances of the various groups (especially their elites) in Ethiopia” [18].

TPLF/EPRDF with OLF (at least for a year) restructured Ethiopia as ethnic federal state [19]. They decided the criteria of redistricting the country [20]. Accordingly, the country was divided in to 14 constituent units, which later reduced in to nine regions based on language, ethnicity, settlement pattern and willingness of the people [21: art.46]. However, language and ethnic identity were the main criteria of internal boundary demarcations [7]. TPLF/EPRDF, which controlled the power following the withdrawal of OLF from the Transitional Government of Ethiopia (TGE) in 1992, was the main force behind the making and unmaking process of Ethiopia [8]. As a result, this paper argues that the formation of Ethiopia’s federation is *not resulted from democratic bargaining* and hence it best fits Alferd Stepan’s *putting together* variant. Here below, the paper presents the main arguments to justify why Ethiopia’s federation has to be identified as putting together federation.

Exclusion of Contending Political Parties from the Peace Conference

The restructuring process was begun by the July 1991 Peace and Democracy Conference. This conference was the base for the adoption of the Transitional Charter through which the TGE was established. As such, the inclusion and participation of political movements with different political positions would have been crucial if the federation was to be established through a *genuine federal bargain*. However, the major contending political organizations were excluded

from the Peace Conference (interviewee from EPRP, 26 January 2019, Addis Ababa). TPLF/EPRDF, which was enjoying a leadership role and capitalizing its commanding position, had dominated the political landscape by virtue of its military power and hence excludes contending powers from the peace conference [20]. Among the excluded political organizations, the main were EPRP, AESM, and other members of Coalition of Ethiopian Democratic Forces (COEDF) [17].

It is argued that these political parties were excluded from the process for they were not willing to abandon their military struggle (interviewee from ADP, 04 January 2019, Bahirdar). Others, on the other hand, argue that these political parties were excluded since their political orientation was far from EPRDF's position on the rights of nations, nationalities and people of Ethiopia (Interviewee from EFDUF, 24 January 2019, Addis Ababa). In relation to this, Aalen [19] also ascertained that “individuals or movements which had been affiliated with Mengistu's WPE or organizations with a non-ethnic base (like the EPRP) were excluded”.

Based on the interview with an academician at Addis Ababa University and higher official in EFDUF, those parties who attended the conference and latter became part of the TGE were even weak parties that could not bargain with TPLF/EPRDF. Thus, the conference was not accommodative to competent political parties while it was open to weak parties that were easily manipulated by the then dominant party. If the competent political parties were allowed to take part and the conference was conducted among equals, it would not be concluded with the adoption of TPLF's political program as a Transitional Charter without a change. In relation to this, Aalen ([19] writes as “The Transitional Charter, which worked as an interim constitution, adopted EPRDF/TPLF's ideas largely unmodified, although the OLF played an important part in the shaping the document”. Moreover, its exclusionary practices allowed TPLF/EPRDF to secure the largest seats in the unelected Council of Representatives of the TGE (interviewee from EFDUF, 24 January 2019, Addis Ababa). “EPRDF controlled 32 seats while its ‘junior partner’, OLF secured 12 seats out of 87 total seats” [17]. It also controlled key executive powers of the TGE, which was one of the reasons that led to the quarrel with OLF (interviewee from EFDUF, 24 January 2019, Addis Ababa). Generally, when one carefully examines the admission criteria for the conference, the actor who prepared and controlled the conference, the agenda setting process, earlier arrangements, exclusion of major contending political parties and the like; it is convincing to conclude that Ethiopia's federation is not resulted from inclusive bargaining. This is in contrast to the fact that democratic bargaining is the most essential prerequisite in the formation of federations.

Controversies on the Involvement of Amhara in the Restructuring Process

While different (or at least the main) ethnic groups were represented by different organizations, it is claimed that Amhara was not dully represented during the restructuring process and hence the federation is not legitimate (Interviewee from NaMA, 15 January 2019, Baihrdar). This political narration is firmly held by the Amhara based opposition party, NaMA. Interviewees from ADP also share the

idea that there has to be constitutional modification and restructuring of the federation for the reason that Amhara's interest were not fully articulated and entertained during the transition (interviewee from ADP, 04 January 2019, Bahirdar). In spite of the fact that there was not any ethnic based political party that could represent the Amhara, the arguments that there were not Amharas in the process is not convincing for the reason that many Amharas were participating in the process as members of Ethiopian People Democratic Movement (EPDM) (interviewee from ODP, 19 January 2019, Addis Ababa). However, since EPDM was a multinational party, its struggle to articulate and defend the interest of Amhara, as compared to other ethnic based political parties, was negligible (interviewee from ADP, 04 January 2019, Bahirdar).

The participation of Amhara in the restructuring process is essential not only for its large numerical size (as it is the second largest) but also for being the main group that played a significant role in the state and nation building process of Ethiopia [22]. According to Kidane [17] "three identities: the Oromo, Amhara, and Tigray are the most predominant, and success of the federal arrangement is likely to, largely but not exclusively, hinge on the configuration of power among the elites of these three identities". However, though Amharas were part of the process through EPDM, they were not as strong as the ethnic based parties to articulate the interest and positions of the Amhara (interviewee from ADP, 16 January 2019, Bahirdar). This gave an opportunity for the ethnic based parties to determine the whole principles of the restructuring process in the absence of an equivalent ethnic based political movement that could represent Amhara. The main recurrent questions against the boundary demarcation, the politics of recognition and the narration about titular versus non-titular classifications that made Amhara (though it also affects other minorities too) to be a victim were framed in its "absence".

Being cognizant of this problem, AAPO was established to articulate the interest of Amhara (the Guardian 25 May 1999). However, as it was common to other opposition political parties, TPLF/EPRDF was intimidating, arresting, harassing and killing the leaders, members and supporters of the party (Amnesty International 1994). Soon after its foundation in January 1992, several officials of AAPO including the chairperson Professor Asrat Woldyes were arrested [23]. According to the report of the Immigration and Refuges Board of Canada (1996), from the total of 14 executive Committee of the party, 12 were arrested in between 1993 and 1995. Moreover, at around 2000 supporters and members of the party were arrested in between 1992 and 1993 [23]. Due to such inconveniences, it is claimed that it was difficult for the Amharas to articulate their interest and positions in the restructuring process of Ethiopia (interviewee from NaMA, 18 January 2019, Bahirdar). Then, it was with in this context that EPDM – a multinational TPLF's affiliated party – was changed in to Amhara National Democratic Movement (ANDM, the current ADP) in 1994 (interviewee from ADP, 04 January 2019, Bahirdar). These all demonstrates how Ethiopia was restructured in a manner where opposition political organizations that claim to represent the Amhara were forced out. The federation was imposed through force

where those with opposition voices were facing frequent intimidations, arrest, killing, detention, and even disappearance.

Power Monopolization through the Creation of Incompetent Parties

When TPLF recognized that it becomes victorious of the war, it understood that it could be difficult to assume political supremacy in the country since it represents small population [19]. As a result, it planned two techniques to ensure its political domination. The first one was to establish a nationwide political party, which would be under its own control [7]. However, the effort of building a nationwide Marxist-Leninist party ended in 1990 because of the collapse of socialism at the global level [7].

The second plan was establishing a front by creating member political organizations that “represent” the different ethnic groups [7]. In lieu of this strategy, TPLF created a broader based movement i.e. EPRDF in 1989 with a membership of EPDM [19]. When its plan to establish a nationwide Marxist-Leninist party was halted by 1990, TPLF opted for the second strategy and continued to create other parties. Accordingly, OPDO (the current ODP) was created in 1990 to represent the Oromo people when OLF was not found to be submissive and obedient [14]. As stated earlier, EPDM was changed to ANDM (the current ADP) in 1994 to represent the Amhara people when AAPO attempts to mobilize this people through its ethnic identity. Southern Ethiopia People Democratic Front (SEPDF) was created in 1994 to “represent” the Southern Peoples when the Southern Ethiopia People Democratic Coalition (SEPDC) criticized the authoritarian character of the TGE [19]. These parties, for they were created by TPLF, were obedient to their creator rather than defending the interests of the people whom they claim to represent (interviewee from EFDUF, 24 January 2019, Addis Ababa). This idea is even shared by officials from ADP “though we were the member of the governing coalition, TPLF was the dominant political power and many of the decisions were made based on its interest” (interviewee from ADP, 4 January 2019, Bahirdar). Hence, “though EPRDF embraces various organizations, TPLF dominates EPRDF to such an extent that EPRDF has been considered as a deceptive euphemism for TPLF” [20]. Because of this, it is not convincing to claim that Ethiopia’s federation is formed by federal bargaining among equals.

Electoral Frauds and Power Consolidation

As part of the transitional process, elections were held in 1992 (for local and district level councils) and 1994 (for the Constitutional Assembly). Conditions leading to and during the election, however, were not conducive to opposition political parties. TPLF/EPRDF leaders were claiming that they are the only legitimate rulers since they overthrown Dergue. “We [the EPRDF] fought for 20 years, and it is not fair that any party born yesterday should compete with us. We will fight to keep the power” [19]. Such attitudes forced EPRDF leaders to be intolerant for competitive political forces. TPLF/EPRDF, which dominated the armed forces by providing two thirds of the soldiers [20], was undertaking

intimidation and harassment against the leaders and members of legally registered political parties [17]. It was employing violent and undemocratic tactics to upset election proceedings in order to maintain power (interviewee from EFDUF, 24 January 2019, Addis Ababa).

People in political oppositions were arrested, intimidated, harassed, killed and tortured. Many leaders and members of OLF, EPRP, AAPO, Sidama Liberation Movement (SLM) and Ogaden National Liberation Front (ONLF) were facing various intimidations [23]. The torture methods include tying the victims' arms together tightly behind their backs with plastic strips, depriving them of food, death threats and mock executions [23] which all are admitted by the new administration which forced the premier to ask an apology in front of the parliament (interviewee from ODP, 16 January 2019, Addis Ababa).

These behaviours of the incumbent forced many of the strong political parties to boycott the elections [24]. Though AAPO and OLF were the major competing organizations at that time [19], they were forced to boycott both the 1992 and 1994 elections, which left EPRDF without meaningful opposition [24]. Hence, TPLF/EPRDF controlled the political space and won the elections with the help of multiple electoral frauds [24]. It is within these manners, members of the Constitutional Assembly¹ were elected. Thus, TPLF/EPRDF controlled the Constitutional Commission (a body which was organized by the TGE to prepare the draft constitution) and the Constitutional Assembly through which it manipulated the drafting and ratification processes of the constitution [14].

It is apparent that the process behind the new constitution was even less inclusive and participatory than the process behind the transitional charter. In the constitutional process, the EPRDF totally dominated the scene. It is therefore impossible to conclude that the final confirmation of the federal solution through the constitution was based on a pact or covenant between contending political forces.... The new constitution, the main document for legalizing and formalizing the federal system, was ratified by a Constitutional Assembly controlled by the ruling party [19].

Consensus is very crucial to come up with a legitimate federal pact. However, the FDRE constitution lacks this legitimacy (particularly by the Amharas) since the ratification and drafting processes were not democratic (interviewee from NaMA, 04 January 2019, Bahirdar). The election for the Constitutional Assembly was undertaken in a manner where competent parties were forced to boycott the elections due to repetitive arrest, intimidation, killing and tortures against the leaders and the members of these parties. The Commission was also criticized for it was dominated by individuals who had affiliation to TPLF (interviewee from ADP, 15 January 2019, Bahirdar). Hence, the partiality in the selection of the members for the constitutional commission and frauds in the election process (both the 1992 and 1994) are the other justifications to the putting together nature of Ethiopia's federation. Generally,

¹ The Constitutional Assembly was the body that was directly elected by the "Nations, Nationalities and Peoples" to adopt the draft constitution while the Constitutional Commission was the body that was organized by the TGE to prepare a draft constitution.

this paper argues that Ethiopia's federation came into effect without a meaningful democratic bargaining. The peace conference, the institutionalization of the TGE, the 1992 local and district level election, the 1994 election for a Constitutional Assembly were dominated by TPLF/EPRDF. The political organizations with alternative programs were forced to withdraw from the processes through coercive measures. Thus, these all indicates how Ethiopia's federation has to be identified as a putting together federation.

Because of this putting together federation, which came into effect without meaningful deliberation and consented agreement, different ethno-linguistic groups raise recurrent questions in relation to internal boundary demarcations and sub-state's politics of recognition. The different ethno-regional groups have claims against the boundary demarcation and many of the conflicts dubbed as ethnic conflict in Ethiopia are, mainly, associated with this border issue [5]. The exclusion and marginalization of minorities at the sub-state levels is also the other serious issue to which the federation is criticised [12]. These, in turn, are affecting the legitimacy of the federation and some of the ethnic groups such as Amhara requests for the reconstruction of the federation while others such as Oromos, Somali and Afar needs for the resolution of the border issues under the existing federation (interviewee from the House of Federation, 17 January 2019, Addis Ababa).

Conclusion

This paper examined the formation of Ethiopia's federation. The transitional period, where the major events to restructure Ethiopia as a federation were concluded, was characterized by single party, TPLF/EPRDF, supremacy. Hence, Ethiopia is a putting together federation in which the federal arrangement was imposed by this dominant power (TPLF/EPRDF) rather than being resulted from a democratic, inclusive, and impartial federal bargaining. Particularly, the absence of an organization that could represent Amhara during the Peace Conference, exclusion of the major political organizations from the conference and the aftermath processes as well as the inhuman and extrajudicial treatments against those who were explaining their discontent in the restructuring processes are some of the justification to level Ethiopia's federation as putting together. Moreover, the electoral frauds that forced the major political parties to boycott the elections (the 1992 and 1994 elections) and the manipulation of the drafting and ratification processes of the constitution by TPLF/EPRDF can justify this position.

This putting federation left many issues such as unresolved claims of minorities at the level of sub-sate political units and border issues as bones of contentions among the different ethno-linguistic groups. Hence, it is recommended for the government of Ethiopia to reconsider Ethiopia's federation through democratic, genuine, peaceful, consented, and inclusive federal bargaining.

REFERENCES

- [1] Assefa F. *Federalism and the Accommodation of Diversity: A Comparative Study*. Netherlands: Wolf Legal Publisher; 2006.

- [2] Taylor B. Force and Federalism: Controlling Coercion in Federal Hybrid Regimes. *Comparative Politics*. 2007; 39 (4): 421–440.
- [3] Burges M. *Comparative Federalism: Theory and Practice*. London: Taylor and Francis Group; 2006.
- [4] Stepan A. Toward a New Comparative Politics of Federalism, (Multi)nationalism and Democracy: Beyond Rikerian Federalism. *Arguing Comparative Politics*. Stepan A. (ed.). London: Oxford University Press; 2001.
- [5] Abbink J. Ethnicity and Conflict Generation in Ethiopia: Some Problems and Prospects of Ethno-Regional Federalism. *Journal of Contemporary African Studies*. 2006; 24 (3): 389–413.
- [6] Wondosen T., Zahorik, J. Federalism in Africa: The Case of Ethnic Based Federalism in Ethiopia. *International Journal of Human Sciences*. 2008; 5 (2): 1–39.
- [7] Asnake K. *Federalism and Ethnic Conflict in Ethiopia: A Comparative Study of the Somali and Benshangul-Gumuz Regions*. Leiden University publisher; 2009.
- [8] Abbink J. Ethnic-based Federalism and Ethnicity in Ethiopia: Reassessing the Experiment after 20 Years. *Journal of Eastern African Studies*. 2012; 5 (4): 596–618.
- [9] Andreas E. *Ethnic Federalism: New Frontiers in Ethiopian Politics. Contribution Presented on the First National Conference on Federalism, Conflict and Peace Building*. Addis Ababa; 2003.
- [10] Breen M. The Origins of Holding-Together Federalism: Nepal, Myanmar, and Sri Lanka. *Publius. The Journal of Federalism*. 2017; 48 (1): 26–50.
- [11] Creswell J. *Research Designs: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods*. 3rd ed. Sage publishing; 2009.
- [12] Bekalu A. Ethnic Cleansing in Ethiopia. *The Canadian Journal of Peace and Conflict Studies*. 2018; 50 (1): 77–104.
- [13] Mekuria B. Genocidal Violence in the Making of Nation and State in Ethiopia. *African Sociological Review*. 2005; 9 (2): 1–54.
- [14] Merera G. Ethnicity, Democratization and Decentralization in Ethiopia: The Case of Oromia. *Eastern Africa Social Science Research Review*. 2007; 23 (1): 81–106.
- [15] Habtu A. Ethnic Federalism in Ethiopia: Background, Present Conditions and Future Prospects. Contribution presented on the *International Conference on African Development*; 2003. URL: https://scholarworks.wmich.edu/africancenter_icad_archive/57. Accessed: 10.11.2019.
- [16] Bekalu A. Ethnic Federalism and Conflict in Ethiopia. *African Journal of Conflict Resolution*. 2017; 17 (2): 41–66.
- [17] Kidane M. Identity Politics, Democratization and State Building in Ethiopia’s Federal Arrangement. *African Journal of Conflict Resolution*. 2007; 7 (2): 63–92.
- [18] Abbink J. The Ethiopian Second Republic and the Fragile “Social Contract”. *Africa Spectrum*. 2009; 44 (2): 3–28.
- [19] Aalen L. Ethnic Federalism in a Dominant Party State: The Ethiopian Experience, 1991–2000. *Development Studies and Human Rights Report – 2002*. Bergen: Chr. Michelson Institute; 2002. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/59168136.pdf>. Accessed: 05.01.2017.
- [20] Alemante G. Ethiopia: Problems and Prospects for Democracy. *William and Mary Bill of Rights Journal*. 1992; 1 (2): 205–226.
- [21] Federal Democratic Republic of Ethiopia. *Constitution of the FDRE*. Addis Ababa: Mega Printing Press; 1995.
- [22] Levine D. *Greater Ethiopia: The Evolution of Multiethnic Society*. London: The University of Chicago press; 1974.
- [23] *Amnesty International Report 1994 – Ethiopia: 1 January 1994*; 1994. URL: <http://www.refworld.org/docid/3ae6a9f512.html>. Accessed: 20.01.2019.
- [24] Lyons T. Closing the Transition: The May 1995 Elections in Ethiopia. *The Journal of Modern African Studies*. 1996; 34 (1): 121–142.

Держаться вместе, идти вместе или собираться вместе? Пересмотр вопроса о формировании федерализма в Эфиопии

К.Т. Мулуйе

Университет Гондэр
196, Гондэр, Эфиопия

Аннотация. Федерации основаны на принципах совместного правления и самоуправления. Федерации могут быть сформированы на основе различных моделей объединения: как посредством «демократической сделки», так и в том случае, когда федеративная модель навязывается победителями принудительно. Целью данной статьи является анализ модели федерализма в Эфиопии посредством критического рассмотрения переходного процесса. Автор опирается на данные, собранные при помощи интервью и анализа документов. Для анализа полученных данных был использован качественный анализ. В статье утверждается, что Эфиопия является федерацией объединяющего типа из-за серьезных ошибок, допущенных в период переходного периода. К таким ошибкам автор относит, в частности, отсутствие организации, которая могла бы представлять народ Амхара во время Мирной конференции, исключение основных политических организаций из участия в конференции и последующих процессов государственного строительства, а также жестокое и внесудебное обращение с отдельными гражданами и общественными деятелями, выразившими недовольство процессами федерализации после 1991 года. Также автор полагает, что становление эфиопской модели федерализма сопровождалось фальсификациями на выборах, которые вынудили основные политические партии бойкотировать парламентские выборы 1992 и 1994 годов, а также манипуляциями в ходе процесса разработки и ратификации Конституции со стороны партии РДФЭН. В заключение статьи автор рекомендует реструктурировать федеративную систему Эфиопии посредством демократических переговоров, так как в настоящий момент она сталкивается с кризисом легитимности.

Ключевые слова: Эфиопия, федерация, этнический федерализм, эфиопский федерализм, Конституция

Информация об авторе:

Кетемо Тируне Мулуйе – преподаватель кафедры гражданских и этических исследований Университета Гондэр (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0001-6104-8807) (e-mail: ketemaw.muluye@uog.edu.et).

Information about the author:

Ketemaw Tiruneh Muluye – Lecturer of the Department of Civic and Ethical Studies, University of Gondar (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0001-6104-8807) (e-mail: ketemaw.muluye@uog.edu.et).

Для цитирования:

Muluye K.T. Holding Together, Coming Together or Putting Together? A [Re]examination on the Formation of Ethiopia's Federation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 70–82. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-70-82

For citation:

Muluye K.T. Holding Together, Coming Together or Putting Together? A [Re]examination on the Formation of Ethiopia's Federation. RUDN Journal of Public Administration. 2020; 7 (1): 70–82. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-70-82

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-83-88

Research article

Women's Political Participation in Jordan

M. Hawamdeh, A. Al-Qteishat

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation 117198

Abstract. Jordanian women's participation in public policy dates back to 1950s. However, political activism came to a halt in the period between 1956 and 1992. In 1992, the new Political Parties Law granted women the right to participate in political parties. Since then, women became an active member of political parties, but their participation remained largely symbolic and not influential. Women did not seek to join parties. As a result, women are still largely unrepresented in the state. In addition, and the number of women involved in these parties remains low. There are a number of challenges that prevent women's participation in political life in Jordan, such as social restrictions resulting from the traditional structure of Jordanian society. This article discusses the political participation of women in Jordan and addresses the most prominent challenges facing the political work of women in Jordan.

Key words: political participation, women in politics, Jordan, political parties, parliament elections, Government

One of the most important manifestations of democracy at the present time is the increasing participation of women in political life. Which western countries have gone a long way in comparison with many third world countries; the Kingdom of Jordan has ratified international treaties and conventions on the elimination of all forms of discrimination against women.

Jordan has taken a number of steps to reform its legal framework in order to encourage increased women's inclusion in politics and increase their overall political participation. Ratify international conventions whose principles support gender equality (i.e. CEDAW, ISECR, and ICCPR).

Women's representation in political life

Since 1921, Jordanian women have played different roles in public life, especially in charitable societies. The Jordanian Women's Union was founded in the early 1940s. After that, the number of women's charities with multiple goals increased, and since 1950 women's participation in political parties began [1].

© Hawamdeh M., Al-Qteishat A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Since 1955, Jordanian women obtained the right to vote, but have not been obtained the right to run for election and have not exercised their full right to run for election until 1974 [2].

The actual change in political and parliamentary life was with the 1989 elections. For the first time, the Jordanian woman participated as a candidate, but they did not get any seat in the house of Parliament in 1989. In 1993, Toujan Faisal became the first woman elected to Jordan's lower house of parliament.

In reading the presence of Jordanian women in the House of parliament since the return of democratic life in 1989 until the 2016 elections, it is possible to **observe the following**: In 1989, women participated in the elections in which 12 women were nominated, but no women won. In 1993 three women were nominated and one woman won. In 1997, seventeen women were nominated but no female candidates were elected, in 2003 elections, 54 women were nominated. During the elections, the quota system was introduced, which allowed six women to enter the House of parliament, but not outside the quota system*, but with the help of the quota, in 2007, 199 women were nominated and six women won on the basis of the quota system, while one candidate won free competition, In the 2010 elections, women won 13 more seats out of 78, in the 2013 elections, women won 18 out of 150 seats, in the 2016 elections, women won 20 out of 130 seats, the highest representation of women in the Jordanian parliament [3].

As for the participation of Jordanian women in the government, ministerial posts continued to be reserved for men until 1980, in that year, the first woman was appointed of the ministerial post, the Ministry of Social Development. Only one ministerial portfolio was obtained in each cabinet reshuffle until 2009, when four women held ministerial posts in Nader Dahabi's government [4].

As for the participation of women in the political parties, it is still very low despite the fact that the Parties Law gave women the right to participate in the establishment and affiliation of parties. However, the statistics indicate that the participation rate of women in the constituent bodies of parties does not exceed 10%. It is noted that most of the licensed political parties in Jordan do not address the issue of women in a serious, effective and independent manner in their programs.

The Jordanian State recognizes the importance of women's presence and participation in political life in the belief that this is an essential part of the process of development in general and political development in particular. Jordan is one of the first countries to recognize the Universal Declaration of Human Rights, which gave every man or woman the right of freedom opinion and expression. Jordan is one of the first signatories to the International Covenant on Economics, Social and Cultural Rights and the Covenant on Civil and Political Rights, As well as the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, which constituted a powerful level for the growing rights of Jordanian women and a step towards enabling them to participate in political life, in addition to empowering women in the parties and electoral law, and more of a civil and political rights [5].

Jordan ranks 11th among in the Middle East countries in terms of women's representation in lower or single houses of Parliament [3] (table 1, table 2).

Table 1

Women’s regional representation in lower or unicameral houses of parliament (%)

Rank	Country	Chamber (Lower House/Unicameral)	Women MP’s
1	Tunisia	Majlis Nawwab ash-sha’ab	31.3%
2	Sudan	Majlis Watani	30.5%
3	Isreal	Knesset	27.5%
4	Algeria	Al-Majlis Al-Chaabi Al-Watani	25.8%
5	Iraq	Council of Representativesof	25.3%
6	Mauritania	Majlis Watai Itihadi	25.2%
7	United Arab Emirates	Al Jamiya-Al-Watani Itihadi	22.5%
8	Morocco	Majliss-annouwab	20.5%
9	Saudi Arabia	Majlis Ash-Shura	19.9%
10	Libya	Majlis Al-Nuwaab	16.0%
11	Jordan	Majlis Al-Nuwaab	15.4%
12	Egypt	Majlis Al-Nuwaab	14.9%
13	Syrian Arab republic	Majlis Al-Chaab	13.2%
14	Qatar	Majlis Al-Shura	9.8%
15	Bahrain	Majlis Al-Nuwaab	7.5%
16	Lebanon	Majlis Al-Nuwaab	3.1%
17	Kuwait	Majlis Al-Nuwaab	3.1%
18	Oman	Majlis Ash-Shura	1.2%
19	Yemen	Majlis Al-Nuwaab	0%

Source: *IPU Open Data (2018) <https://data.ipu.org/>.*

Table 2

Women’s Representation in Jordan’s House of Representatives (1989–2016)

House of Representatives	Year of election	Total Number of MPs	Number Of Female MPs	Women’s Representation (%)
11 th	1989	80	0	0%
12 th	1993	80	1	13%
13 th	1997	80	0	0%
14 th	2003	110	6	5.4%
15 th	2007	110	7	6.4%
16 th	2010	120	13	10.8%
17 th	2013	150	18	12%
18 th	2016	130	20	15.4%

Source: *IPU Election Archives for Jordan: Majlis Al-Nuwaab (House of Representaives).*

Remaining obstacles to women's political participation

It is possible to say that there are a number of obstacles and challenges that prevent the participation of Jordanian women in political life. The most prominent of these are: the dominance of patriarchal culture in the Jordanian society, based on the social and economic culture; the lack of experience of Jordanian women in the political field; This field, Weak civil society institutions in Jordan, which affects its role in activating and enhancing the political participation of male and female citizens as modern units that can be alternative units to traditional units, where political parties and other civil society organizations suffer from weakness and instability, which negatively affect the advancement of women's role in political participation. In addition to, weak political awareness of the Jordanian society members in general, and women in particular about the importance of women political participation, Economic dependency of women on men due to their low participation in economic activity and men's ownership of scarce resources.

Conclusion

Despite the quotas for female inclusion in national and municipal bodies, political participation remains limited. In addition, women represent only one-sixth of the seats in Jordanian parliament. Although support for improvement does exist, there are many obstacles that effect the participation of women on political life in return.

The political role of Jordanian women in parliament is still limited, although Jordanian women make up about 52 percent of the electorate. In terms of female representation in parliament, Jordan lags behind other countries generally, with a ranking of 13 in the Arab world and 141st globally. In the last elections of 2016, five women managed to reach the parliament directly by winning elections, while 15 women succeeded to reach it through the quota system, bringing the total number of women in the 130-member house to 20. Which is the highest percentage in the history of women's political participation.

REFERENCES

- [1] Amal Abu Jiries. The Reality of Women's Political Participation in Jordan. *Netherlands Institute for Multiparty Democracy*. 27.08.2019. URL: <https://nimd.org/the-reality-of-womens-political-participation-in-jordan/>. Accessed: 25.11.2019.
- [2] Abeer Bashier Dababneh. Jordanian Women's Political Participation: Legislative Status and Structural Challenges. *European Journal of Social Sciences*. 2012. 27 (2): 213–221.
- [3] The Jordanian National Commission for Women, Women's Political Participation in Jordan. *MENA – OECD Governance Programme*. 2018. 96 p. URL: <http://www.oecd.org/mena/governance/womens-political-participation-in-jordan.pdf>. Accessed: 25.11.2019.
- [4] Fatima Atiyat. Jordanian Women Participation in the Parliamentary Elections of 2016: Field Study in Albalqa Governorate. *International Journal of Humanities and Social Science*. March 2017; 7 (3): 109–122.

- [5] *Ministry of Political and Parliamentary Affairs (Jordan)*. URL: <http://www.moppa.gov.jo/Default.aspx>. Accessed: 25.11.2019 (In Arab.).

Научная статья

Участие женщин в политической жизни в Иордании

М.Х. Хавамдех, А.С. Аль Ктеишат

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Начало участия иорданских женщин в государственной политике датируется 1950-ми годами, однако в период с 1956 по 1992 год их политическая активность прекратилась. В 1992 году новый закон о политических партиях предоставил женщинам право участвовать в политических партиях. С тех пор женщины стали основателями и активными членами политических партий, но их участие оставалось в основном символическим и не оказывало влияния на реальные политические процессы в стране. Женщины не стремились вступать в политические партии. В результате женщины по-прежнему практически не представлены в числе государственных и политических деятелей. Кроме того, сегодня число иорданских женщин, участвующих в деятельности партий, остается низким. Авторы выделяют ряд проблем, препятствующих участию женщин в политической жизни Иордании, в первую очередь социальные ограничения, обусловленные традиционной структурой иорданского общества. В статье рассматривается участие женщин в политической жизни Иордании и анализируются наиболее важные проблемы, влияющие на политическую деятельность женщин в стране.

Ключевые слова: политическое участие, женщины в политике, Иордания, политические партии, парламентские выборы, правительство

Сведения об авторах:

Хавамдех Мазен Хуссен Фалах – ассистент кафедры государственного и муниципального управления, аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-2695-5879) (e-mail: mazen_1616@yahoo.com).

Аль-Ктеишат Ахмад Сахер Ахмад – ассистент кафедры государственного и муниципального управления, аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ahmad_qteishat@hotmail.com).

Information about the authors:

Mazen Hussien Faleh Hawamdeh – Assistant of the Department of Public Administration, Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-4463-2766) (e-mail: mazen_1616@yahoo.com).

Ahmad Saher Ahmad Al-Qteishat – Assistant of the Department of Public Administration, Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3393-2210) (e-mail: ahmad_qteishat@hotmail.com).

Для цитирования:

Hawamdeh M., Al-Qteishat A. Women's Political Participation in Jordan // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–88. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-83-88

For citation:

Hawamdeh M., Al-Qteishat A. Women's Political Participation in Jordan. RUDN Journal of Public Administration. 2020; 7 (1): 83–88. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-83-88

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ACADEMIC LIFE

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-89-92

Review article

**Book review: : Fukuyama F.
*Political Order and Political Decay:
From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy.*
NY: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 672 p.**

G.A. Kumie

Bahir Dar University
Bahir Dar, Ethiopia

Abstract. The review of Francis Fukuyama’s book “Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy” examines the processes of political development and modernization. “Political Order and Political Decay” is the second volume of a large-scale study. Both books adhere to the paradigm that a successful liberal democracy combines three main elements: the state, the rule of law, and accountability – and the balance between them is crucial. Fukuyama recognizes that there is a link between economic prosperity and democracy but does not claim that one automatically leads to the other. Fukuyama believes that Chinese phenomenal economic growth combined with an authoritarian government will not be able to persist, but does not conclude that a democratic revolution in China is inevitable. Fukuyama also became disillusioned with the possibilities of exporting democracy. The author warns that political decline is more pronounced in the United States than in other democracies, because the latter have demonstrated a greater ability to adapt to changing circumstances.

Keywords: political development, modernization, globalization, democracy, political stability

“There is no automatic mechanism that produces clean, modern government”, Francis Fukuyama warns in his new book, “Political Order and Political Decay”. The soup of circumstance results in manifold variations in governance and strange anomalies that torment daily life. A few nations, like Denmark, are models of bureaucratic efficiency, but a larger number, like Nigeria,

© Kumie G.A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

are exemplars of incompetence. While we all have a sense of what good government should be, we haven't a clue how to get there.

“Political Order and Political Decay” is the second volume in Fukuyama's ambitious study of government. The first, “The Origins of Political Order,” started with chimps and ended with the French Revolution; this volume takes the story up to the present. Both books adhere to the paradigm that successful liberal democracy combines three essential elements: the state, rule of law and accountability. In other words, in the best of all possible worlds, central authority is kept in check by a transparent system of law and by the will of the people.

Balance is crucially important. Fukuyama emphasizes that “all good things do not necessarily go together.” Thus, while his three elements are each intrinsically good, they often work at cross purposes. For example, Americans, obsessed with accountability, built a system of checks and balances so formidable that it has paralyzed governance. The result is what Fukuyama calls a “vetocracy,” in which small interest groups regularly block measures for the common good.

Timing is also crucial. The United States, Fukuyama argues, “democratized before it had a modern state.” This resulted in a power vacuum at the top, which allowed patronage and corruption to thrive. The problem persists to this day but in entirely legal form. In no other country do paid lobbyists, out of touch with public sympathy, exert so much influence over government.

The historian Arnold Toynbee once remarked that the past is “a chaos unamenable to . . . laws”. Fukuyama has, thankfully, ignored that adage. While his modesty prevents him from proposing strict laws of development, he does offer a plethora of intriguing theories that bring a semblance of order to Toynbee's chaos. What makes this book so illuminating is the breadth of Fukuyama's perception. In contrast to many popular theorists, he resists the temptation of the single big idea and instead argues, much more convincingly, that order and disorder result from the complex interplay of myriad factors, including identity, geography, commerce, tradition, climate and simple luck.

Fukuyama accepts that a connection exists between prosperity and democracy, but is not so naive as to propose that one leads automatically to the other. He feels that the Chinese anomaly of phenomenal economic growth combined with authoritarian government cannot persist, but he does not conclude that a democratic revolution is inevitable. Nor does he believe that democracy can be exported. “We should . . . be wary of foreigners bearing gifts of institutions”, he argues. While Western models of development have been impressively successful at delivering justice and prosperity, “each society must adapt them to its own conditions and build on indigenous traditions”. That will always take time and enormous patience.

Some readers will find this book disturbing, especially those Americans who feel certain that their nation is the last best hope on Earth. Fukuyama neither believes nor desires that the world should be recast in America's image. “While the American economy remains a source of miraculous innovation, American government is hardly a source of inspiration”. Political decay, he warns, is more advanced in the United States than in other thriving democracies because the latter

have demonstrated a capacity to adapt to changing circumstances. This, however, has been difficult for Americans because they regard their Constitution “as a quasi-religious document” and equate any questioning of the Founding Fathers with blasphemy.

“Political Order and Political Decay” is a courageous book by an author at the peak of his analytical and literary powers. This project started as an attempt to rewrite and update Samuel Huntington’s classic “Political Order in Changing Societies”, published in 1968. Yet Fukuyama has what Huntington sorely lacked, namely the ability to communicate complex ideas through engaging prose. He’s both a perceptive political analyst and a wonderful storyteller. Clearly, something has indeed gone haywire in our world: Serious political science is not supposed to be so enjoyable.

Обзорная статья

**Рецензия на монографию: *Fukuyama F.*
Political Order and Political Decay:
From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy.
NY: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 672 p.**

Г.А. Кумие

Университет Бахр Дар
Бахр Дар, Эфиопия

Аннотация. В рецензии на книгу Фрэнсиса Фукуямы «Политический порядок и политический упадок: от индустриальной революции до глобализации демократии» рассматриваются процессы политического развития и модернизации. «Политический порядок и политический упадок» – это второй том масштабного исследования Фукуямы. Обе книги придерживаются парадигмы, что успешная либеральная демократия сочетает в себе три основных элемента: государство, верховенство закона и подотчетность – при этом решающее значение имеет баланс между ними. Фукуяма признает, что существует связь между экономическим процветанием и демократией, но не утверждает, что одно автоматически ведет к другому. Фукуяма полагает, что китайская «аномалия» феноменального экономического роста в сочетании с авторитарным правительством не сможет сохраниться, но не приходит к выводу о том, что демократическая революция в КНР неизбежна. Фукуяма также разочаровался в возможностях экспорта демократии. Автор предупреждает, что политический упадок более заметен в Соединенных Штатах, чем в других демократиях, потому что последние продемонстрировали большую способность приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам.

Ключевые слова: политическое развитие, модернизация, глобализация, демократия, политическая стабильность

Информация об авторе:

Кумие Гетахун Антигегн – преподаватель и исследователь департамента политологии и международных исследований университета Бахр Дар (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@gmail.com).

Information about the author:

Getahun Kumie Antigeegn – Lecturer and Researcher of the Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@gmail.com).

Для цитирования:

Kumie G.A. Book review: *Fukuyama F.* *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 672 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 89–92. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-89-92

For citation:

Kumie G.A. Book review: *Fukuyama F.* *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 672 p. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (1): 89–92. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-89-92